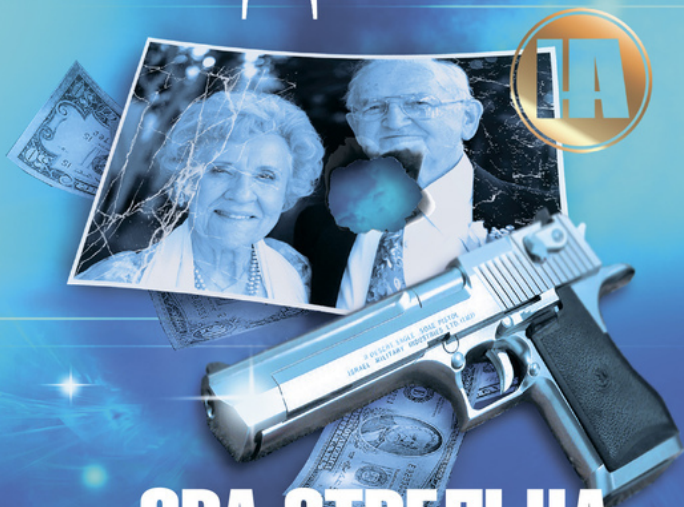

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ЭРА СТРЕЛЬЦА

Наталья Вячеславовна Андреева
Эра Стрельца
Серия «Алексей Леонидов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592155
Андреева Н. Эра Стрельца: роман: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-070128-5, 978-5-271-30923-6, 978-5-4215-1545-6

Аннотация

Случайные встречи и расставания, находки и потери... А бывают ли случайными убийства? Киллер убивает в лифте успешного бизнесмена и пожилую семейную пару. Казалось бы, все понятно: деньги, ревность, любовницы. Мотивов у каждого знакомого Александра более чем достаточно. Да и женщины, с которыми его свела судьба, испытывают скорее облегчение, нежели горе от его смерти. Только дотошный следователь все копается и копается в прошлом, чтобы найти наконец-то истину. А результат оказывается абсолютно неожиданным.

Содержание

Почти пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	63
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Наталья Андреева

Эра Стрельца

Почти пролог

Дорогая машина сладко чмокнула дверцей и, словно страстная любовница, недобравшая ласк, с явной неохотой оставила владельца на мокром асфальте наедине с холодным, почти уже осенним дождем. Свет уличного фонаря был тусклым, погода отвратительная. Мужчина невольно поморщился, когда капли дождя попали на лицо, поддернул светлые брюки и прямо по лужам быстро зашагал к массивной железной двери подъезда. Машина печально смотрела ему вслед погашенными фарами. У нее было дурное предчувствие. Каждый раз, когда хозяин приезжал сюда. Отчего?

Дом как дом: серый четырнадцатипанельный. Серия 152. На массивной железной двери виднелись останки домофона, которым год назад перестали пользоваться. Будка вахтера была пуста, почтовые ящики висели криво, у некоторых дверца была выдрана с корнем, с доски объявлений ключьями свисала бумага. Стены исписаны. За каких-нибудь три года все пришло в упадок. Знать, жильцы попались несознательные.

Мужчина вошел в подъезд. В правой руке он держал

небольшой сверток. У лифтов стояла пожилая пара. Судя по желтому кружочку, перебегающему с цифры на цифру, грузовой опускался вниз. Четыре, три, два... Наконец лязгнула дверь, женщина в темном пальто обернулась:

– Вы едете, молодой человек?

– Да, конечно. – Мужчина поспешил и легко, в три прыжка, преодолел лестницу и вошел в лифт следом за супругами.

– Вам какой? – спросила женщина. Ее спутник молчал. – Мы на седьмой.

– Жмите.

Дверь лязгнула, и лифт тронулся. Мужчина скользнул взглядом по своим спутникам и тут же отвел глаза. Сверток он так и держал в руках, терпеть не мог, когда карман пиджака оттопыривался. Пенсионеры, судя по одежде и сединам. От женщины пахнет нафталином и «Красной Москвой». От ее мужа «Шипром». Невольно вспомнились родители, оставшиеся в провинции. Запахи детства. Стало тоскливо. Чтобы отвлечься, он стал читать надписи на стенах лифта. Супруги на него даже не смотрели и ждали с нетерпением, пока лифт остановится, видимо, им что-то хотелось обсудить.

Кабина сильно раскачивалась, то и дело раздавался отвратительный скрежет. Кнопка на панели с цифрой «десять» была оплавлена. Мужчина невольно поморщился. Плохой дом, плохой подъезд. Но это не его проблемы.

На седьмом этаже лифт остановился, вновь раздался металлический лязг, двери открылись. Ехавшие в лифте лю-

ди не успели понять, что происходит. Человек, стоявший на лестничной клетке поднял пистолет. Вспышка, грохот, и все трое остались лежать на полу. Убийца выдержал небольшую паузу, потом сделал три контрольных выстрела в головы своих жертв. Вот теперь все. В магазине осталось два неиспользованных патрона. Немного подумав, он шагнул в лифт, поднял упавший из рук мужчины сверток, аккуратно положил рядом с телом пистолет с глушителем и бесшумно скользнул к лестничному пролету.

Глава 1

О Чем плачут жены

Тридцатое августа 200* года. Получив сигнал от дежурного, срочно выехала оперативная группа. ЧП районного масштаба.

Железная дверь подъезда распахнута настежь. И словно примерзла в таком положении: не шелохнется! Парень в синем комбинезоне с двумя канистрами в руках выскакивает из подъезда и, поставив их на бордюр, дает отмашку подехавшей машине, которую в просторечии именуют «труповозкой». Высоким, срывающимся голосом говорит:

– Дилетанты, мать твою...

Место происшествия. Картина, знакомая до боли. Словно на экране телевизора. Киношники любят такие сюжеты. Убит крупный бизнесмен – документы при потерпевшем. О том, что человек солидный, со средствами, догадаться не трудно: у подъезда припаркован его черный «Сааб». Пистолет с глушителем лежал возле тела. Контрольные выстрелы в голову. Как по нотам. Наемному убийце особой сообразительности не требуется. Отбарабанил – и гуляй! На улице пусто. Ночь, темнота. Дождь. Только продавцы тех магазинов, которые еще не закрылись на «учет», не спят, в спешке меняют ценники на товарах.

– Типичное заказное убийство, – вздыхает майор Матвеев. – Не повезло так не повезло! Прощай надежда на спокойное дежурство! Здравствуй, очередной «глухарь»!

– Вы так думаете? – задумчиво пробормотал капитан Леонидов. – Хотя чего тут думать? Все в духе времени: убит владелец крупной фирмы по продаже бытовых электроприборов и оргтехники. Приехал к очаровательной любовнице, наверняка не с пустыми руками. А при нем ни-че-го. Ни цветочка, ни сверточка. Деньгами предпочитает мадемуазель? Денег тоже нет. Может, заранее расплатился. Почему убили? С «крышей» не договорился. Конкуренты. Долги. Поводов более чем...

– Вот-вот, а рядом с телом – пистолет с глушителем, «беретта». Модель 85-ББ. Магазин восьмизарядный, в нем еще осталось два патрона. Номера спилены. Как в лучших домах... Работай, любимая милиция! – И Матвеев, не удержавшись, выругался. – А что двое других?

– Обычные люди, – пожал плечами Леонидов, – соседи по этажу той шлюхи, к которой топал наш герой. Пенсионерка Завьялова Антонина Александровна и ее муж, которому до пенсии тоже осталось чуть-чуть, Завьялов Виктор Дмитриевич. Работает на заводе, последнее время их частенько отправляют в отпуск без содержания. Вот кому не повезло, это уж точно! Возвращались из театра, наверняка в прекрасном настроении, а тут – киллер! По душу А. С. Серебрякова. Дочка, с которой жили Завьяловы, в истерике, с ней сейчас

врач «скорой помощи», другая пока ничего не знает.

– А ты уверен, Алексей, что это случайные люди?

– Шутите? Если уж выбирать между пенсионерами и мужиком, прикатившим в черном «Саабе», то лично я поставлю на него. Хотя все версии надо отработать.

– Вот и проверь Завьяловых. На всякий случай. Думаю, пустой номер. Разрабатывать будем господина Серебрякова Александра Сергеевича. Туда и бросим основные силы. Пора заканчивать здесь.

Словно в ответ на его слова, из подъезда выскочил парень в синем комбинезоне. Крикнул высоким, срывающимся голосом:

– Ну что, грузить?

Женщина-эксперт не прореагировала. Лицо у нее было усталое, безразличное. Грузить так грузить. Вскрытие покажет. А пока есть время выспаться, заняться домашним хозяйством, время любить, наконец. Жизнь такая – каждый день может оказаться последним. За примером далеко ходить не надо. Пример – вот он. На бетонном полу. Ночь на дворе. И почему наемные убийцы не берегут здоровье сотрудников милиции? Не соблюдают режим? Спать хочется, а тут нате вам! Три трупа.

– «Глухарь», чистый «глухарь», ни следов, ни отпечатков пальцев, – вновь пожаловался майор Матвеев. – Перчатки, чистые ботинки, глушитель на пистолете, жильцы дома смотрят сериал. Скучно жить на свете. А? Леша?

– Так точно. Скучно, – охотно согласился Леонидов.

– А меж тем уголовное дело возбуждать надо. Три трупа. Начнем с врагов Александра Сергеевича Серебрякова. Список наверняка большой. Завтра поедешь в вотчину покойного, называется фирма «Алексер». «Александр Серебряков» в переводе с русского письменного на русский устный, смекаешь, сыщик? Звучит, между прочим, не то, что «Павелмат», например. Это я на себя намекаю. Может, поэтому я и не бизнесмен, а майор милиции? «Павелмат»... Гм-м-м... Скверно!

– «Алексleo», – тут же прикинул Леонидов. – Еще хуже! Абракадабра! Лео какое-то. Или эклер. Пирожное с кремом. А «Алексер» – неплохо! Чесслово, товарищ майор!

– Заканчивать надо. Почти три часа уже здесь топчемся. Надо утра дожждаться.

– Может, по соседям еще разок пройтись? Пока убийство еще тепленькое. Не остыло.

– Боюсь, что толку мало, – вздохнул майор. – Да и спят все. Ночь на дворе. Да-а-а... Вот у тебя какие впечатления о соседях потерпевших Завьяловых?

– В квартире справа живут крутые, за имущество переживают. Секцию, где находятся квартиры, отделяет от лестничной клетки с лифтами железная дверь. Телевизоры были включены на полную громкость, а пистолет с глушителем. Стреляли в районе десяти часов вечера, когда шел популярный сериал. Трупы нашел около полуночи тот товарищ, что

железную дверь поставил, засиделся в ресторане, говорит, на важных переговорах. Или врет. Но дома его не было, факт. Поднялся на маленьком лифте, увидел трупы. И ведь никого не взволновало, что большой лифт застрял на седьмом этаже! Все пользовались маленьким и были спокойны. Жильцы здесь вообще... неактивные.

– По подъезду видно, – заметил майор.

– А бизнесмен-то того... струхнул, – негромко рассмеялся Леонидов. – Сосед. Сейчас валерьянкой отпаивают. Там, на седьмом, спокойна только любовница Серебрякова. Дочка Завьяловых рыдает, сосед справа стонет. Как бы у мужика импотенция не организовалась.

– Алексей!

– На бизнес, само собой. Ни на какие переговоры больше не встанет, когда увидишь, как отстреливают тебе подобных. Пропал мужик.

– Правильно, пусть картошку выращивает на своей даче... – злорадно сказал майор Матвеев и вздохнул: – Слушай, чего мы такие злые, Алексей?

– Жизнь такая, Павел Александрович! Вы машину его видели?

– Серебрякова?

– Соседа.

– Ну! «Мерседес», что у дома стоит, его? – И, уловив кивок: – Черт бы их всех побрал! Крутых! Не потому, что на «меринах» ездят, а потому, что хлопот доставляют! Почему

поджидали у любовницы, а не дома, Как думаешь?

– У дома он, может, осторожничал, а здесь – более или менее расслаблен. Надо сказать, что А. С. Серебряков был человеком пунктуальным. Девочку посещал строго в десять часов вечера два раза в неделю.

– Откуда такие сведения?

– Любовница поделилась.

– Как она?

– Я же сказал, спокойна. Как сытый удав. Легкое сожаление, недоумение. Как? Здесь? Убили? И при чем здесь я?

– Квартира ее?

– Снимает. Платил, конечно, Серебряков. Обидно, да?

– Потрясти ее, может, она наводку дала?

– Может. Потрясу. Прямо сейчас.

– Леша, Леша... – покачал головой начальник.

– А что? Я ж по работе...

– Красивая? – подмигнул майор.

– Ничего, – скромно опустил глаза Леонидов.

Из подъезда выносили последнее тело. Женщина-эксперт, ни от кого не прячась, широко зевнула и полезла в машину. По-прежнему накрапывал дождь. Нудный, почти осенний. Она думала о горе неглаженого белья, уже неделю валяющейся на комод, поскольку руки не доходят и бог знает когда дойдут с этой суматошной работой. Тем, которые трупы, уже хорошо. Сейчас время такое: непонятно, кому лучше, живым, или мертвым? Господи, о чем это она! Люди

умерли, а тут какое-то белье!

«Бог ты мой, Создатель Всемогуший, и почему ж так хочется спать? – пытался удержаться от очередного зевка капитан Алексей Леонидов, сидя в большой неудобной кухне напротив курящей брюнетки. Его мутило от выпитого кофе, на дворе была глубокая ночь. – И почему не привыкли спать в такое позднее время молодые красивые женщины? Почему они курят “Данхилл” и глубокой ночью красят губы в яркий малиновый цвет?»

Он с грустью смотрел, как облаченная в обтягивающие голубые джинсы и светлую рубашку Антонова Светлана Анатольевна семьдесят шестого года рождения, незамужняя, нигде до сего момента не работающая, элегантно выпускает струйку дыма из малиновых губ. Честно признаться, ночной допрос без протокола Леонидов организовал из-за нее. Интересная штука, а он был холост, молод и нахален.

Брюнетка цену себе знала. Попросила называть ее Ланной. Пока милиция работала на этаже, освежила макияж, взбила волосы и теперь, отвечая на вопросы, манерно тянула гласные. И курила. Кокетливо ввернула, что теперь, мол, на свободной охоте. В данный момент новоиспеченная Диана-охотница пыталась обрисовать характер своих отношений с удачливым бизнесменом Александром Серебряковым: – Что ж, деньги у Шурика были, конечно, приличные. Ну и тачка солидная, прикид. Своя фирма, все ж таки. Но лиш-

него не допросишься. Скупердьяй, хотя и русский.

– Вы, как понимаю, имели дело с людьми разных национальностей?

– Это я так. К слову. – Брюнетка хлопнула густо накрашенными ресницами.

Леонидов прикинул свои шансы: это у Джеймса Бонда все просто, а наши героини-сыщики на такси не ездят. Представив Лану в общественном транспорте, Леонидов не удержался и хмыкнул.

– Что такое? – вскинулась брюнетка. И откровенно зевнула: – Сколько времени, не подскажите?

– Почти три часа ночи.

– Бог ты мой, как поздно!

– Еще пара вопросов. Скажите, Лана, он вас любил?

– А ты с юмором, парниша!

– Алексей Алексеевич Леонидов. Старший оперуполномоченный.

– Как скажешь, – рассмеялась брюнетка и глубоко затянулась сигаретой. – Для справки. Любовь бывает разная – жидкая, твердая и газообразная. Химию в школе проходил? Я тоже. Мой вывод из этой науки таков: предпочитаю любовь твердую, в твердой валюте, разумеется, а ты что подумал? Ха-ха! Что касается эфира, то это не ко мне. И Шурик романтиком не был. У нас были нормальные человеческие отношения. Товар – деньги – товар. Что касается жидкой любви. Сопли и слюни – это к его жене, с которой Серебряков

прожил пятнадцать лет без любви, но в согласии.

– Это ваш вывод или Серебряков так сказал?

– Он со мной не откровенничал. Насчет своих чувств. Но жену не любил, это точно.

– А она про вас знала?

– Естественно! Какая дура поверит в переговоры, которые происходят непременно по вторникам и четвергам и до часу ночи? Я так понимаю, ее это устраивало.

– Чем вы объясняете такую пунктуальность?

– Тем, что он был сволочью! Да, да, да! Трижды сволочью! И как приятно говорить «был»! А если уж хотите знать о любви, он любил только себя и свою фирму. А секс у него был по минутам расписан. Чтобы знать, сколько платить, за что платить и, не дай бог, не отстегнуть лишку.

– И много он вам платил? Простите за нескромный вопрос.

– Хата, еда, шмотки. Подарки к празднику, по-моему, всегда одинаковые покупал и мне, и жене. Наличных давал мало.

– Сколько?

– Это не те деньги, о которых стоит говорить, – уклонилась от прямого ответа Лана. – Вообще зря вы ко мне прицепились. Я ведь все понимаю. Подозреваете меня. Я знаю правила игры. Мне не было смысла сдавать Серебрякова наемным убийцам. Это он – труп, а мне ведь еще жить и жить! Мне репутация дороже.

«Скажите, пожалуйста! – хмыкнул Леонидов. Мысленно, разумеется, чтобы подруга убитого не перестала откровенничать. – У шлюхи – репутация! Которой она дорожит!»

– И все же... С чего вы взяли, что Серебряков так относился к жене, Светлана Анатольевна? Что не любил ее? – стараясь быть официальным, спросил Леонидов.

– Я однажды видела мадам в такой же, как у меня, норковой шубке. Это унижение для женщины, когда муж везет в один и тот же магазин сначала любовницу, а потом ее! Причем уверена, Серебряков нарочно так делал. Подчеркивал свое пренебрежение. А серьги, которые он мне на Новый год подарил? Случайно, а может, и специально, достал из кейса две одинаковые коробочки, одну отдал, другую положил обратно. Мне-то что, я за эксклюзивом не гонюсь. Серьги и продать можно. Но мадам должно быть обидно. Она женщина тонкая. Не в смысле тела. Толстая, как бочка! Фи. В смысле души. Кстати, почему не зовете меня Ланой, как просила?

– Вы сами придумали себе такое имя?

– В книжке прочитала. Света – это банально. Не звучит. Свет на свете полно. А я девушка изысканная.

– Но за эксклюзивом не гонитесь. Логично. А с кем вы, изысканная Лана, откровенничали о своем любовнике Александре Серебрякове? О его привычках, маленьких тайнах? Быть может, вас о его делах расспрашивали?

– Я же сказала: о делах Шурика не знала ничего. Эту тему мы не затрагивали. Если хотите, мне его дела вообще до фо-

наря! Были. Ну встретились, ну поужинали в ресторане, перепихнулись и чао-какао. Я, знаете ли, легко поддаюсь влиянию. Шурик приучил меня молчать в тряпочку, не лезть в разговоры с его деловыми партнерами, не задавать глупых вопросов. Тем более не задавать умных. За то время, что мы были вместе, у меня не только школьная химия из головы улетучилась. Мозги испарились. Между прочим, я хорошо училась. А о привычках его сволочных я очень даже люблю рассказывать. Обожаю. Вон хоть Ленке, соседке, что за стенкой живет. Она как с родителями поругается, так идет ко мне коньяк пить. Она мне о своем, а я ей о своем, о женском. Ой, чего это я плету, дура, они же мертвые лежат в морге вместе с моим Серебряковым! Мама дорогая, что ж теперь будет?

Светлана Анатольевна устала на Леонидова коровьими глазами. Круглыми от удивления. Подумать только! Ее Шурик умер! Непостижимо! Некому больше платить за квартиру, давать деньги на еду и красивую одежду. Прощай подарки к праздникам, пусть даже не эксклюзивные, а купленные в пару к тем, что возлюбленный дарил жене. Как же, оказывается, с этой сволочью было хорошо! То есть удобно. И Светлана Анатольевна еле слышно вздохнула. Завтра надо начинать новую жизнь.

Леонидов уточнил:

– Значит, Елена Завьялова – ваша подруга?

– У меня не подруги, а конкурентки. С Ленкой мы пили вместе, вот и вся дружба. Она свое горе заливала, я – свое.

– А какое у вас горе?

– Скучно. Встала, причесалась, кофе выпила, лицо раскрасила, маникюр сделала, телевизор включила. Видео надоело, а по телевизору смотреть нечего, одна политика с утра до ночи. Тоска смертная. Шурик на что не любил говорить о делах, последнее время придет – первым делом телевизор включает. Программу «Время» или «Новости». Зевать со всего этого хочется! В постель ляжет – молчит. Я к нему с поцелуями, а он лежит и в потолок смотрит. Как неживой.

– Понятно. Может быть, у него проблемы были на фирме?

– А мне-то что с того?

Она зевнула, прикрыв ладошкой рот, и чуть смазала малиновую помаду. Леонидов хотел сказать ей об этом, но промолчал. Спать пора. Нечего здесь ловить. И в этом смысле тоже.

– А по секрету, Ланочка, кроме Серебрякова – никого?

– Зачем? Не люблю я мужиков.

– А кого? Девочек?

– Отстань. Я люблю море, солнце и холодное пиво.

– Лана, а вам никогда не бывает мучительно больно за бесцельно прожитые годы?

– Издеваешься, да? Думаешь, дура, одноклеточное? Связываться с тобой неохота. А охота спать. Иди домой, Алексей Алексеевич Леонидов.

– Пиво, значит, любите, Светлана Анатольевна. А как же фигура?

– Ничего с ней не сделается! У меня порода такая, художочная. Appetit хороший, а не толстею. Насчет всего такого прочего не надо беспокоиться. Главное, что существо я не опасное и приношу обществу не вред, а определенную пользу.

– Интересно, какую?

– Помогаю ускорить оборот денежной массы. Знаете, сколько стоит норковая шубка или бриллиантовое колечко? Я изымаю награбленное, пускаю в оборот и помогаю несчастным учителям получать задержанную заработную плату.

– Да вы в экономике разбираетесь!

– Я вообще могу пойти работать! – расхрабрилась брюнетка.

– А налоги платить не пробовали? Или в депутаты баллотироваться? С такой-то активной жизненной позицией! Был опыт в других загнивающих странах.

– Послушайте... Вы... Завтра приходите. У меня цвет лица испортится, если сейчас же не лягу спать.

– Последний вопрос: трупы в лифте обнаружил сосед. Елена Завьялова думала, что родители зашли в кафе после спектакля либо по улицам гуляют. Моцион перед сном. С утра они повздорили, и Елена только возрадовалась продолжительному отсутствию предков. А вы? Серебряков должен был прийти ровно в десять, он человек пунктуальный. Вы не забеспокоились?

– Простите, чего не..?

– Извините. Я все понял. – Леонидов поднялся с табурета. Спина затекла. Надо ехать домой. Домой? Может, попросить у нее раскладушку? Покосившись на зевающую брюнетку, Леонидов решил, что лучше потратиться на такси. Дешевле выйдет.

Светлана Анатольевна, откровенно зевая, закрыла за ним железную дверь, ту, что отделяла секцию с квартирами от площадки, где находились лифты. У лифта Леонидов задержался. Судя по густому, скрежещущему звуку, поднимался грузовой. Ехать в нем капитану Леонидову не хотелось. Он был человеком чрезвычайно отважным. Особенно на публике. Но наедине с собой глубокой ночью мог позволить себе предаться суевериям. Ехать в лифте, где несколько часов назад произошло убийство, – дурная примета. Особенно для человека опасной профессии.

«Это не трусость, а осторожность, – сказал Леонидов себе, спускаясь с седьмого этажа по лестнице. – Я хочу долго жить, чтобы принести обществу как можно больше пользы. Взаимосвязано. И главное: никто ведь не узнает! Вот что главное!»

Он планировал: а) выспаться, б) навестить жену Серебрякова. И все это сделать завтра, тридцатого августа. Потом он сообразил, что от ночного бдения и разговора со Светланой Анатольевной в голове все перепуталось. Завтра, то есть тридцатое августа, давно уже наступило. Метро еще закрыто. Автобусы не ходят. И вообще, при такой вредной работе

надо брать взятки. Деньгами. Молоко не спасет.

Того же дня и числа, около полудня капитан Леонидов сидел в другой кухне, словно бы материализовавшейся из рекламного проспекта фешенебельного магазина, ипил крепкий кофе. С трудом удерживаясь от зевоты и чувствуя, что тошнота усиливается.

«Боже ты мой, Создатель Всемогуший! Почему же так хочется спать? Полдень на дворе. Дождь прошел, солнце светит. А что ты, душа моя, делал ночью? То-то! Нечего было расходовать силы на шикарную брюнетку. Любовь бывает разная... А-ах!» Он не удержался-таки и зевнул. И смущенно сказал:

– Простите.

– Еще кофе? – отозвалась вдова.

– Нет уж. Спасибо.

– Что не любите кофе?

Он засопел, постеснявшись сказать, что от кофе уже тошнит. Женщина все-таки. Хотя не сравнить с красавицей Ланой. Не удивительно, что Серебряков имел любовницу. Зато кухня у них ничего. Мебель шикарная, из дерева. Даже не пытался определить, что за порода. Элитная, выведенная специально для буржуев недорезанных мексиканская сосна. Почему мексиканская? Там пустыня. Чем больше трудностей на пути производства товара и его доставки, тем больший экстаз вызывает он у потребителя. Закон бизнеса. Один

из законов. У меня есть, а у вас нет. И пусть мне это на хрен не нужно, но моя самооценка стоит таких денег. А-ах! Какой бред лезет в голову! Чуть не заснул. Даже микросон успел увидеть: сосну посреди пустыни. Хорошая у них кухня, и точка. А посреди этой шикарной кухни восседала простая русская баба в махровом халате и пуховом платке, накинутом на плечи. Зареванная, не покрашенная, и невозможно было представить ее в вечернем платье на приеме или на модной премьере, которые так любит посещать бизнес-элиты. Ну никак! На грядках с картошкой, на рынке с авоськой – это пожалуйста. Зато, в отличие от Ланы, Серебрякова искренне страдала. Потому и на себя ей теперь было наплевать. На растрепанные волосы и распухший нос.

– Неловко мне, Ирина Сергеевна, лезть к вам сейчас с вопросами, которые могут показаться вам неприятными. Но поймите правильно, ваш муж убит... По всему выходит, что убийство заказное. И я вынужден интересоваться его делами. Вы ведь ему помогали?

– Немного. Официальной должности у меня не было. Ездила в банк за выпиской. Занималась подбором персонала. По необходимости могла сидеть на телефоне, отвечать на звонки. Словом, на все руки. Серьезные вопросы, связанные с финансами, муж со мной не обсуждал.

– А почему?

– Александр был человеком скрытным. Весь в себе. Говорил, что не хочет меня расстраивать, что некоторые вещи

мне, как женщине, лучше не знать. Удары судьбы предпочитал переносить в одиночестве, отвернувшись лицом к стене. Трясешь его за плечо: «Саша, Саша, что случилось?» А он только: «Уйди, отстань, у меня все хорошо». Муж не делился со мной своими печальями. Впрочем, и радостями тоже. Боюсь, что не могу вам помочь.

– Вы прожили вместе пятнадцать лет. Неужели же ничего? Нет светлых воспоминаний?

– Да, годовщины нашей свадьбы мы с Александром отмечали. Каждый год. И подарки муж мне дарил. Регулярно. Иногда дарил цветы. Но все холодно, без эмоций. Наш брак традиционно считался удачным. Простите, уже все конечно. – Она заплакала, тихо, печально, вытирая слезы концом пухового платка. – Я не знала мужа. Каким он был? О чем думал? Чего хотел от жизни? Он жил со мной, но к душе своей не подпускал. Никогда не откровенничал. Не знаю, кем я была для Александра, но только не любимой женщиной. А я его – любила...

Ирина любила своего драгоценного Сашу с той самой минуты, когда он подошел к ней на одной из институтских дискотек. Вместе с хорошенькой подругой, тоже студенткой педагогического института, она приехала туда, чтобы весело провести время. Ирина и не надеялась, что кто-то пригласит ее на медленный танец, а быстрых ритмичных движений Ирина стеснялась, потому что с детства была полновата. Сидела в уголке, смотрела на других. И радовалась. Это бы-

ло ее маленькое счастье. Разумеется, она мечтала похудеть. Пробовала модные диеты, пыталась заставить себя ежедневно делать зарядку. Но силы воли не хватало. Да и что толку? Хорошей спортсменкой она никогда не будет, хорошенькой тоже не станет, потому что против природы не пойдешь. Завидовать Ирина не умела, зато умела радоваться за других. Например, за подругу, которую наперебой приглашали симпатичные студенты. Ирина уже привыкла быть третьей лишней и, когда возвращались домой, нарочно замедляла шаги, чтобы не мешать паре. Пусть кто-то будет счастлив. Чем больше счастья вокруг, тем лучше.

Ирина сидела за одним из столиков, наблюдая за танцующими, когда к ней подошел высокий парень и, пытаясь перекрыть музыку, спросил:

– Почему ты не танцуешь?

– Потому что не умею, – ответила она, пытаясь разглядеть его лицо. Светомузыка мешала, перед глазами мелькали разноцветные огни. Но голос у парня был приятный.

– Я тоже. Похоже, глупое занятие.

– Почему? – удивилась Ирина. – Когда умеешь, это же так красиво!

– Думаешь? – с сомнением спросил он. – Послушай, пойдем отсюда куда-нибудь? Тебя как зовут?

– Ирина.

– Саша. У меня в комнате бутылка «пепси» и коробка шоколадных конфет. Сосед не уйдет отсюда до самого конца.

Фанатик. Ну что? Идешь?

Она в смущении поджала ноги. Ботинки старые, на улице дождь, и, пока шла сюда с электрички, ноги успели промокнуть. Но отказаться? Быть может, это ее единственный шанс! Она пошла. Потом, на свету, увидела, что у него приятное лицо. Можно даже сказать, красивое. Что он высок ростом и широк в плечах. При разговоре выяснилось, что умен. Начитан. Интересный собеседник. Учится хорошо, отличный спортсмен. Нет, Ирина не стояла такого парня.

Она долгое время не могла понять, зачем нужна Александру Серебрякову. Но он нуждался в ней, без сомнения. Впрочем, на ее месте могла быть и любая другая женщина. Которая не требует внимания к себе. Не перебивает, не трещит без умолку. Ничего не просит. Не задает глупых вопросов. Серебряков был законченным эгоистом. Он не умел слушать других, да и не утруждался этим.

Александр никогда не спрашивал, а что, собственно, хочет она? Не будут ли ругать ее родители за позднее возвращение? Ах, девушка живет в общежитии! Значит, свободна. Ирина не решилась сказать, что злющая вахтерша захлопывает входную дверь ровно в полночь, и, опоздав даже на десять минут, приходится долго умолять, чтобы впустила. Что лифт после полуночи не работает, а подниматься на каблучках на десятый этаж тяжело, особенно после долгой прогулки вокруг общежития. Но она любила. И терпела все. На самом деле с женьбой Серебряков угодил в десятку. Сам Бог

послал ему Ирину. Если бы еще Александр Серебряков это понял!

Их встречи были странными. Серебряков вроде бы ухаживал, но ни разу не пытался поцеловать. Не говорил комплиментов. Единственное, что хвалил, так это длинные темные волосы Ирины и часто просил распустить их по плечам. Хотя Ирина предпочитала закручивать на затылке пучок. Они гуляли по парку, по улицам Москвы и разговаривали. Сидели в общежитии, у него или у нее, и тоже разговаривали. То есть говорил Александр. Иногда он замолкал. И что-то напряженно обдумывал. В такие моменты Ирине казалось: вот-вот Саша очнется и скажет ей что-то важное. Что-то особенное. Но он ограничивался общими фразами. В том, что касается чувств. О женитьбе не заговаривал вообще.

«Зачем он приходит? – с тоской спрашивала себя Ирина. – Ведь не любит! Это же видно! Так зачем?» Кроме Саши, у нее никого не было. Ирина была уверена, что и не будет. А будет ли Серебряков? Или исчезнет? Кто знает. Наконец она поняла. Серебряков влюблен. Но не в нее. Происходит что-то странное. Новый год они встречали в общежитии, в большой, шумной компании. Эту девушку Ирина заметила сразу. Да ее и нельзя было не заметить! Красавица! С роскошными, длинными, темными волосами.

– Лада, – представил Серебряков. По его голосу невозможно было не догадаться.

Ирина поначалу расстроилась. Но, приглядевшись, поня-

ла: ревновать бессмысленно. Лада – бесспорная красавица. Причем такие девушки не становятся любовницами. На них женятся. Чистая, светлая красота, словно сияние, которое служит преградой нечистым помыслам. Соперничать с такой бессмысленно. Она всегда в центре внимания, всегда окружена поклонниками. Что ж, пусть будут счастливы.

Но эти двое отчего-то друг друга сторонились. В компании, где они могли встретить Ладу, Серебряков настойчиво приглашал Ирину. Они никогда не танцевали. Ни под быструю музыку, ни под медленную. Зато Лада двигалась великолепно. Серебряков следил за ней неотрывно. При этом лицо его было каменным.

– Красивая девушка, – сказала однажды Ирина. – Нравится тебе?

– С чего ты взяла, – буркнул Серебряков и отвернулся от площадки, где танцевала Лада. Потом нехотя добавил: – С детства ненавижу стоять в очередях. А на нее такая очередь, что состаришься в ожидании.

«Она уже выбрала тебя», – чуть не сорвалось с языка у Ирины. Если мужчина и женщина друг друга сторонятся, попадая в одну компанию, расходятся по разным углам и изо всех сил показывают, как они друг другу безразличны, – это верный признак. Между ними любовь. Серебряков и Лада вели себя именно так. Почему они не могли быть вместе? Ирина никогда не решилась бы спросить об этом у Саши. Тем более у Лады, с которой была едва знакома. Сводить их?

Но в любви каждый старается для себя. И Ирина решила не торопить события. Подождать, что будет дальше.

А дальше... Серебряков сделал ей предложение! То есть буркнул:

– Давай поженимся.

– Ты серьезно? – не поверила Ирина.

– Я такими вещами не шучу, – отрезал Александр.

Она промолчала. Должно быть, поругался с Ладой. Горячка пройдет, и он опомнится. Какой же брак без любви? Ко всему прочему эти двое словно бы созданы друг для друга. А потом случилось так, что соседка Ирины уехала домой, к родителям. Комната осталась в ее распоряжении. Серебряков в тот вечер пришел, будучи сильно навеселе, чего раньше себе не позволял. Ирина ни разу не видела его пьяным. И впервые полез к ней с поцелуями. На языке у Ирины вертелся вопрос: «Что случилось?» Неспроста все это. Но она не возражала. Вскоре они оказались в постели. И у нее, и у него это было в первый раз. Все обернулось кошмаром, которого Ирина не смогла забыть никогда. Физическая близость с Сашей всегда вызывала у нее отвращение. Поэтому она и не возражала против его любовниц.

Почему не клеилось? Невозможно любить за двоих. Если в этот момент все его мысли о другой женщине, твои мысли о том же. Словно в постели лежит кто-то третий. Впрочем, Серебряков никогда не настаивал. Как женщина Ирина его не интересовала. Но любовниц своих Александр Серебряков

откровенно презирал. Продажные. Знал, что жена ему не изменяет и никогда не будет изменять, и это ставило ее выше всех прочих женщин. Потому что это только его женщина. И ничья больше. На этом и базировалось пресловутое согласие, в котором Серебряковы прожили пятнадцать лет.

После того первого раза она сразу же забеременела. Нельзя сказать, что Александр обрадовался, когда Ирина об этом сказала, но на следующий день они пошли в загс. Родители, конечно, всплакнули, мол, рано, надо бы институт закончить, но вскоре занялись приготовлениями к бракосочетанию. Свадьба была скромной. Ирина была счастлива, но тихо. На плече у мужа не рыдала, за оказанную честь не благодарила. Как случилось, так случилось. Серебряков научил ее сдержанности в проявлении чувств.

Через семь месяцев после свадьбы родился сын. Странно, но мужа она любила больше. Казалось, все чувства должна была перенести на младенца, но нет – Саша по-прежнему занимал ее мысли. Забота о Саше, карьера Саши. Своему успеху в бизнесе Серебряков был обязан и жене тоже. Не только своим способностям и удаче.

Порою он бывал жесток. Выговаривал ей за отсутствие вкуса. Даже кричал. Да, Ирина никогда не умела подбирать одежду и украшения. Так, чтобы шло. Розовое с зеленым, красное с желтым, колготки в цветочек. В ее деревне любили яркое. Поначалу она экономила на своей одежде, носила что попроще и подешевле. Когда появились деньги, начала

покупать то, что казалось ей красивым. Серебряков приходил в бешенство.

Однажды они собирались в ресторан на деловую встречу. Ирина надевала бусы и вдруг поймала в зеркале взгляд мужа, который стоял за ее спиной и завязывал галстук. Взгляд был такой, что она испугалась. Обернулась и жалобно спросила:

– У меня что-то не так?

– Все, к сожалению, – ответил Серебряков и метнулся к платяному шкафу.

– Раздевайся и запомни, что с твоей фигурой это носить нельзя. Черные ажурные колготки носят женщины легкого поведения, а этот бант на голове... Это же просто смешно! Ты не девочка. И выброси, бога ради, эту бижутерию. Я тебе что, денег не даю?

– Что же тогда надеть? – растерянно спросила Ирина. Ей хотелось плакать.

– Длинное черное платье, которое я тебе привез из Италии, туфли на шпильке и нитку жемчуга. И сотри ты эту помаду! Все розовое, зеленое, перламутровое – выкинуть. Банты – к черту. Жду через пять минут, поторопись, мы можем опоздать.

Она сделала так, как велел муж, а на следующий день пошла в модный салон. Обратилась к услугам стилиста. И визажиста. И парикмахера. Изложила требования мужа: солидность, респектабельность, никаких бантов, ничего вызывающего.

Замечаний по поводу внешности и одежды любимый муж больше не делал. Но отношения их теплее не стали. Она просто выполнила свой долг, стала соответствовать. Ее тело по-прежнему не вызывало у Александра никаких желаний. Ах, если бы еще похудеть!

– Ирина Сергеевна, здесь нужны радикальные меры, – начал головой массажист. – Вы же никогда раньше не занимались спортом. Вот если все это срезать...

К радикальным мерам она не была готова. Нет уж, пусть все остается, как есть. Стань ее талия на десять сантиметров уже, это не возродит любовь, которой не было никогда. Прожили же они все эти годы без страсти. Быть может, она от природы не способна испытывать то, что описывают в любовных романах, которые Ирина Сергеевна тайком читала. Если бы все это было правдой, если бы было возможно, то муж ушел бы к одной из своих любовниц. С которой спал, и которая все это проделывала с охотой. Описываемые мерзости. Если не уходит, значит, ничего нет. И думать об этом не следует.

Когда муж уезжал в командировку или улетал за границу на очередную выставку, Ирина Сергеевна Серебрякова доставала из глубины итальянского шкафа любимую вязаную кофту с блестками, пуховый платок и заваривала в чайнике душистые травы, собранные в родном лесу. Пропускала очередной сеанс массажа и пекла пирожки. Смотрела сериалы, над которыми муж откровенно смеялся. Если заставал

ее вечером за этим занятием, начинал язвить, называть деревенщиной и говорить другие обидные вещи. Хоть несколько дней прожить так, как хочется!

Она частенько думала о том, что живет хорошей, желанной для многих жизнью, но, увы, не своей. Любая другая женщина была бы от всего этого в восторге. Носилась бы по магазинам, не вылезала бы из салонов красоты, следила за модой. Так почему Серебряков выбрал ее? И почему терпит? Ни разу в жизни Александр не заговорил о разводе. Ирина Сергеевна жила спокойно.

Если Серебряков обнаружит кофту, он ее выкинет. Как выкинул все, что ей нравилось. Как истоптал всю ее жизнь, если уж быть честной. А как хорошо в родной деревне! Детство... Изба в четыре окна, посреди отгороженной кухни – беленая известью русская печка. В устье стоят чугуны. Бабушка ухватом вынимает один. Там топленое молоко, по краю чугунок запеклась коричневая пенка. Поддеть ее пальцем – и в рот. Ничего нет вкуснее! А само молоко розовое, душистое. За окном – старый сад. Погуляешь там, и словно бы все твои печали уходят в землю. В родную землю, по которой так приятно ходить босой.

В этом доме Ирина жила до поступления в педагогический институт и мечтала вовсе не о том, чтобы стать женой бизнесмена. Тогда о бизнесменах и слыхом не слыхивали. Знали, что капитализм – это плохо. Звериное, мол, у него лицо. А мечтала она стоять у школьной доски с мелком в руке

и рассказывать детям о том, как прекрасен родной русский язык. Мечтала проверять детские сочинения, а потом обсуждать их в классе и попутно разбирать грамматические ошибки, как делала это ее любимая учительница, из-за которой Ирина и поступила в педагогический, на филфак. Так сложилась у нее жизнь или не сложилась? Рим, Париж, Вена... Турция, Италия, Канарские острова... Последнее время муж предпочитает летать за границу один. Или говорит, что один. Ей все равно. Она едет в родную деревню. Был Рим, был Париж... Так сложилась жизнь или не сложилась?

Пятнадцать лет... Она привыкла. Сын рос, становился все больше похож на отца. Это значит, вырастет таким же бесчувственным. Или она ошибается насчет чувств своего мужа? Спустя пятнадцать лет они вновь встретились, Серебряков и Лада. И Ирина Сергеевна потеряла покой.

Это случилось в модном ресторане, куда они с Александром пришли отметить юбилей бракосочетания. Что ни говори, памятный был день! Брак выстоял пятнадцать лет. И еще столько же выстоит. Ресторан, который выбрал Серебряков, был шикарным. Ирина Сергеевна по ресторанам не ходила. С некоторых пор муж не приглашал ее в спутницы на деловые встречи. С кем он туда ходил, Ирину Сергеевну не волновало. Секретарши для того и существуют, чтобы верить в сказку о Золушке, но всю жизнь оставаться на метле.

Как говорится, Москва – большая деревня. Если у ресторана хорошая репутация, посещать его становится у богатых

людей традицией. Ладу Ирина Сергеевна узнала сразу. А вот ее мужа... Располнел. Лицо округлилось. Студентом был интереснее. Ирина Сергеевна машинально кивнула. Ей кивнули в ответ. Серебряков удивился, увидев пару, но не более. Он давно уже научился скрывать свои истинные чувства и делать заинтересованное лицо, слушая собеседника, если того требовал этикет или намечалась выгодная сделка. От студента, что демонстрировал презрение к окружающим, если они не соответствовали его требованиям, мало что осталось.

Итак, получив в ответ приветственный кивок, Ирина Сергеевна поняла, что придется возобновить знакомство. Если люди пришли сюда, значит, они добились успеха. Поводов избегать друг друга нет. Напротив. Вскоре они сидели за одним столиком. Ирина Сергеевна исподтишка наблюдала за Ладой. Вот над кем время не властно! Красавец фрегат по-прежнему плывет по волнам жизни, не замечая утлых лодчонок, что суетятся вокруг. Ветер удачи надувает его паруса. Денег у мужа достаточно, должно быть, она не пренебрегает услугами салонов красоты. Поездки на курорт, приятное безделье, премьеры, модные магазины... Ирина Сергеевна читала ее жизнь, как открытую книгу. Да, Серебряков прогадал! Надо было добиваться Лады, а не заключать поспешный брак с деревенщиной.

Но он был спокоен. Внешне. Только на губах появилась знакомая ей усмешка. Усмешка победителя, который знает, что добыча все равно не уйдет, потому суетиться не надо.

Спокойно, с чувством, с толком, с расстановкой выследить дичь и прицелиться. А потом плавно спустить курок. Ирина Серебрякова почувствовала, что ее собственный корабль дал ощутимый крен. Лада вибрировала под взглядом ее мужа, как натянутая струна. Новый Серебряков был безжалостен. Недаром перед ним трепетали конкуренты.

Обменявшись взглядами, они одновременно поднялись. И пошли танцевать. Впервые в жизни вместе. Вот что значит пятнадцать лет! Девочка выросла, мальчик перестал упрямиться и надувать щеки. Ирина Сергеевна оцепенела. Оказалось, что за пятнадцать лет и она изменилась. Чужое счастье ее больше не умиляло. А как же она? Ее семья? Ее сын? Ее будущее? Нет, милые. Это надо было сделать пятнадцать лет назад. Но не сейчас. Жизнь сложилась. И у нее, и у них. Такая, как есть.

Вместе они смотрелись восхитительно. Легкая седина шла ее мужу. Мальчишеских вихров давно уже не было, парикмахер приезжал на дом, всегда один и тот же. Бассейн Серебряков посещал регулярно и за эти годы почти не расплнел. Одежду заказывал у модельера, чье имя было на слуху. Мысленно она пожелала ему увечья, чтобы стать сестрой милосердия, привязать к себе на всю оставшуюся жизнь. Как это жестоко! А он? Разве он не жесток с ней?

Андрей, муж Лады, во время танца увлеченно беседовал с Ириной Сергеевной и, казалось, ничего не замечал. Она кивала в ответ, слушая историю их жизни. Пусть будет так.

«Чем там кончаются любовные романы? <И все утонуло в океане любви?> Ну что ж, мои дорогие, вам обоим остается только утонуть», – подумала она и улыбнулась своему собеседнику:

– Твоя жена красавица. Впрочем, всегда таковою была. А я всегда умела хорошо готовить и за эти годы не разучилась. Поэтому приглашаю вас в субботу на ужин. К нам. Домой.

– Замечательно! Я помню твои пирожки. Сашка делился на лекциях, и все мы страшно ему завидовали.

«А тебе? – подумала она. – Жена – красавица на загляденье. Господи! Почему же ты ничего не замечаешь?!»

– А по какому случаю вы нас приглашаете?

– Да просто так. Как старых друзей. Мы ведь и теперь будем друзьями?

– Обязательно.

В субботу Елистратовы пришли на ужин. Ирина постаралась, приготовила свои фирменные блюда. Мужчины ели охотно и хвалили ее, Лада отговорилась тем, что соблюдает диету. Но тоже хвалила. Пили мало, Серебряков спиртным никогда не злоупотреблял, Ирина Сергеевна не употребляла вообще. Глоток сухого вина, чисто символически. Лада, как выяснилось, придерживалась того же правила.

Беседа вертелась вокруг кризиса и финансовых проблем обеих фирм. Разговаривали в основном мужчины. Ирина Сергеевна знала, муж заработал на кризисе хорошие деньги. Нужные люди вовремя подсказали, что надо придерживаться

товар, не сбрасывать его за те деньги, которые начали стремительно обесцениваться. Вскоре у Елистратова зазвонил сотовый телефон, извинившись, он вышел в другую комнату. Ирина, сославшись на подгорающее жаркое, отправилась якобы на кухню.

Подслушивала она впервые в жизни. Но стыда не испытывала. Надо знать, о чем они говорят, ее муж и эта женщина. До нее доносились лишь обрывки разговора, но и этого было довольно.

– Любимая моя... Как я по тебе скучал!

– Где ты был так долго, почему не искал, не звонил? Сколько лет прошло, Саша!

– Я знаю. А ты совсем не изменилась.

– Жизнь изменилась. У нас обоих семьи, дети. Ты не думаешь, что уже поздно? Наше время ушло.

– Ерунда! Я все устрою, не волнуйся. Ты-то меня любишь?

– Да, я люблю тебя.

– Ну и все. Этого достаточно, остальное сделаю я сам.

Встретимся завтра, я позвоню и скажу, где и когда. Договорились?

– Я не могу завтра.

– Хорошо, послезавтра, так даже лучше. У меня будет еще один день, чтобы все уладить. Ты позвони мне на сотовый, я запишу номер. Значит, послезавтра с утра буду ждать. Ты мне позвонишь, Лада?

– Позвоню.

«Вот и все», – подумала Ирина Сергеевна, почувствовав, что ноги подгибаются. А надо идти туда, к ним. Нет, на кухню. Мясо и в самом деле подгорает. Где взять силы? Отпустить? Или бороться? Какое решение принять?

На кухне она выпила стакан воды. Потом машинально выключила духовку. Потом включила. Жаркое подгорело, но, похоже, в этот вечер это уже никого не интересовало. Андрей Елистратов был взволнован, наверное, из-за финансовых проблем, о которых только что сообщили. Лада и Серебряков заняты друг другом, Ирина Сергеевна – своими мыслями.

Гости вскоре откланялись, и муж заперся в кабинете. Ирина Сергеевна помыла посуду и стукнула в дверь.

– Саша, к тебе можно?

– Я занят!

– Я хотела...

– У меня дела.

В другой комнате сын был целиком поглощен компьютерной игрой. Она осталась одна. Заглянула в спальню. Огромная кровать, где они спали, каждый на своей половине. Не нарушая священных границ. Ирина Сергеевна пошла на кухню. Никто ее не беспокоил. Вернее, не замечал. Она плакала, отвернувшись к окну.

«Саша, Саша! Зачем тебе эта женщина? Ты же видишь, что поезд ушел. Если бы ты хотел быть с ней, ты бы не рассчитывал на случайную встречу. Ты искал бы ее. И нашел. С

твоим упорством в достижении цели ничего невозможного нет. Она не нужна тебе. Ты все понимаешь...» И решение пришло: бороться.

Через день, двадцать девятого августа ее мужа нашли убитым. В лифте, в доме, где жила его любовница. О которой Ирина Сергеевна давно уже знала...

– ...Я любила. И прощала ему все. Его любовниц, частые отлучки, пренебрежение. Он и в делах добился такого успеха только потому, что никем не дорожил. Ни мною, ни семьей. Друзей у него не было. Пропадал на работе допоздна, домой приходил только спать. Иногда вообще не приходил. Как одинокий волк, рыскал в поисках кредитов и партнеров. Но я еще раз повторяю: в расследовании я вам помочь не могу. Врагов мужа не знаю, в делах понимаю мало, к любовнице Александра ненависти не питаю. Убивать его я не собиралась. И вообще... Я бы хотела остаться одна.

– Это муж на вас так повлиял? Предпочитаете, как и он, переживать в одиночестве, отвернувшись лицом к стене?

– Что? Да, знаете, так бывает. Прожив вместе много лет, люди кое-что друг у друга перенимают. К сожалению, Саше не перешла моя доброта. Он был жестоким человеком.

– Что ж, извините, что побеспокоил. К кому мне обратиться на фирме? Я бы хотел знать, как обстояли дела. Коммерческие тайны меня не интересуют, мне надо выяснить, кто мог быть заинтересован в смерти Александра Сергеевича. Может, конкуренты? Я знаю, что у него были проблемы

в делах.

– Ситуация еще не стабильна. Фирма выживет, но за ее процветание я ручаться не могу. Теперь... – Она вздохнула. – Без Саши все будет гораздо сложнее. А обратиться вы можете к Паше, то есть к коммерческому директору.

– Сергеев Павел Петрович, шестьдесят третьего года рождения, не женат, проживает в Ясенево. Правильно?

– Да, верно. Номер дома и квартиры тоже есть? Или вам записать?

– Запишите, Ирина Сергеевна, запишите. Если вам не трудно. Буду признателен.

– А как насчет кофе? Говорят, у меня это получается. Варить кофе.

– У вас получается. Но я... спешу.

Алексей Леонидов брел по Москве в сторону метро. Погода готовилась сделать резкий скачок в осень, и Леонидов бормотал: «Любовь бывает разная: жидкая, твердая и газообразная... Любовь бывает...» Вот ведь привязалось! Лана отнесла Ирину Сергеевну к тем, кто способен лить слезы. Все так, но... Ирина Сергеевна твердо стояла на ногах. И так же твердо будет стоять на своих показаниях. Ничего не знаю о делах, о конкурентах, о его женщинах. И вообще она дама с характером. Мешала бы ей любовница мужа, Леонидов подумал бы сто раз, прежде чем сделать ставку на победителя. Но Лана... Ах! Светлана Анатольевна, Светлана Анатольевна! Как бы нам с вами перейти на ты? От газообразного

воздыхания к чему-нибудь более существенному. Вы теперь на свободной охоте, я на охоте всегда. Профессия такая. Но надо же что-то и для себя иметь! Взятки – это хорошо. Но плохо. Что касается злоупотребления служебным положением... Неплохо было бы разок злоупотребить. Так злоупотребить, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Так злоупотребить, чтобы... Его мечтания прервал глас, раздавшийся с небес:

– Следующая станция...

«Да слышу я, Господи! Моя! Уж и помечтать нельзя! Вечно ты бдишь! Как только не надоест! Скучная у тебя работа, Господи».

Леонидов стряхнул оцепенение и двинул локтем соседа, который вел себя слишком уж нахально. Толкался, протискиваясь к выходу. Двери открылись, согбенная старушка с двумя огромными сумками в руках и рюкзаком за плечами рванулась в вагон с криком: «Бабушку, бабушку не обижайте!» Молодежь шарахнулась в стороны. Леонидов подумал, что напрасно обидел соседа. Бабушка снесла их обоих с пути, еле успели выскочить из вагона. Он привел в порядок одежду, которая пострадала в боях за место под электрическим солнцем метро, и двинулся к эскалатору. На волю всех! На волю!

Он долго пытался вызвонить коммерческого директора. Тот был то в банке, то в одном из магазинов, то по делам. Наконец выяснилось, что вечером Павел Сергеев будет сни-

мать стресс на теннисном корте. После такого напряженного рабочего дня стресса должно накопиться много.

Что ж, теннис нынче в большой моде. Сверившись с бумажкой, Леонидов побрел к означенному спортивному комплексу. И добрел до него, ибо все конечно. За металлической сеткой, которой была огорожена площадка, невыносимо страдали двое мужчин. Один худой, другой с огромной лысиной. Лысина сверкала на солнце, ибо мужчина успел уже вспотеть. Оба были в фирменных футболках и трусах. Мысленно примерив на себя экипировку теннисистов, Леонидов заскучал. Ноги у него были не очень. То есть не мускулистые. А если уж быть честным до конца, то и кривые. Утешило только, что оба играли скверно. То, что сам он играть не умел вообще, не смутило. И никто об этом не узнает, вот что главное! Приняв вид знатока, Леонидов присел на скамейку и стал наблюдать за игрой. Кто же из них Сергеев?

Мячик ядовитого желтого цвета все время норовил покинуть пределы корта, и чаще всего слышались крики «болл» и «аут». Противники мучили друг друга, видимо, уже не первый сет.

«Класс игры невысокий, – вспомнил Леонидов слова Остапа Бендера, глядя на то, что некоторые смелые люди рискнули бы назвать теннисом. – Зато пижонства... Пижонства выше крыши! Как красиво он замахивается! Как поднимает ракетку! Ё ты мое! Сергеев, точно! Худой, а не лысый. Лысый просто потеет».

Зрителей было не много. У самой сетки, в первом ряду, сидела полусонная блондинка с длиннющими ногтями на руках и пыталась болеть за худого. Леонидова так поразили ее ногти, что теннис померк. Что можно делать такими руками? Стирать? Мыть посуду? Пеленать детей? Дудки! Это элитная порода блондинок. Выведенная специально для того, чтобы сидеть у теннисных кортов. У бассейнов. В шезлонге на берегу моря. Ради нее и старался худой мужчина в трусах. Блондинка пыталась хлопать его удачным ударам, но ногти мешали. Она явно скучала, и Леонидов отважился спуститься в первый ряд. Присел рядом, не отводя взгляда от ногтей. Потом глянул ниже, на стройные ноги и откровенно увлекся. Из открытых босоножек выглядывали пальцы с ногтями того же цвета, что и на руках. Он тихонько вздохнул. А вот когда в постели, насчет секса, с такими ногтями, это как? Мысль, конечно, крамольная, но никто ведь не узнает. Вот что главное! На то они и мысли, чтобы их скрывать. Он вспомнил Лану и вздохнул еще раз. Девушки были похожи на родных сестер. Хотя одна была яркой блондинкой, другая брюнеткой. Выражение лица – вот что делало их родными сестрами. Скучающее. И надменное. Наконец он осмелился:

– Девушка, вас не Ланой зовут?

– Еще чего! Я – Нора, – мгновенно проснулась блондинка.

– А Нора – это производное от чего, простите?

– В смысле?

– Ну, например, Лана, как мне удалось узнать сегодня но-

чью, выводится из Светланы, а из чего же следует такая прелесть, как Нора?

– Из Елены, – деловито ответила блондинка.

– У меня неважно с логикой. Не могу сообразить.

– Елена, Элен, Элеонора, Нора – это все одно и то же, – охотно пояснила блондинка.

– Восхитительно! – всплеснул руками Леонидов. – У вас так развито чувство прекрасного! Я в восторге! Ну а я просто Леша от просто Алексея.

– Вы чей-то шофер?

– Так похож? – мгновенно расстроился он. Принять сыщика за шофера!

– Да вы же без ракетки. И не в трусах. Значит, из свиты.

– А если я прохожий?

– Ну и проходите себе дальше. – Блондинка откровенно зевнула, потом добавила: – Я с прислугой романов не кручу.

– Ладно, Нора, карты на стол. Вы меня разоблачили. Я здесь жду Павла Петровича Сергеева, коммерческого директора фирмы «Алексер».

– Пашу? Почему же тогда я вас не знаю?

– А должны?

– Я Пашина девушка, – тряхнула блондинка копной волос.

– А я – Пашин следователь.

– Как, как?

– Тот есть оперуполномоченный, который собирает улики по делу об убийстве А. С. Серебрякова. Вы в курсе?

Девушка наморщила лоб. Она пыталась что-то сообразить. Пауза затянулась, Леонидов искал подходящую фразу, чтобы продолжить разговор, но тут теннисисты решили: довольно! И пошли к сетке. Худой пожал руку лысому, потом направился к выходу, прихватив по пути полотенце.

Вблизи он выглядел не таким юным и спортивным, как на корте. Его рот был сочный, плотоядный, как у любителя выпить и покушать, волосы редкие, зато грудь волосатая. Первым делом мужчина стянул майку. Блондинка взяла полотенце и нежно провела им по волосатой груди. Ногти ей не мешали. Леонидов поспешил представиться.

– Ну и что вы хотите? – вяло поинтересовался коммерческий директор.

– Поговорить с вами, Павел Петрович, всего лишь поговорить. Вы ведь не только коммерческий директор фирмы, вы были другом покойного, учились вместе с Александром Сергеевичем, много знали о нем. Не уделите мне времени для беседы?

– Нора, сходи, купи мне минеральной воды. Пожалуйста.

– А если ко мне будут приставать мужчины? – кокетливо спросила блондинка голосом красивой женщины, которой мужчины платят за то, что она есть на свете.

Сергеев поморщился, но ответил в тон:

– Задержи до моего прихода, хорошо? Я всех их побью.

Нора направилась выполнять просьбу Сергеева, волнуяще покачивая бедрами. На ней был костюм теннисистки, ко-

роткая юбочка и обтягивающая майка. Поверх – ветровка. Но представить, что девушка играет в теннис с такими ногтями...

– Я вас слушаю.

– Красивая у вас девушка, Павел.

– Да, красивая.

– И дорогая, наверное?

– Это имеет прямое отношение к смерти Серебрякова?

– Как знать, как знать. Сегодня ночью я беседовал с любовницей Серебрякова. Вы, быть может, в курсе. Вижу: в курсе. Никогда не задумывались над тем, будет ли ваша девушка оплакивать вас?

По лицу Сергеева Алексей понял, что попал в больное место.

– Я, в отличие от Серебрякова, не женат и комплексами не страдаю.

– А он страдал? Какими же?

– Это вы с его бабами выясняйте. И почему все они его ненавидели.

– Кто конкретно испытывал бурную ненависть? Их что, было несколько?

– Хватало. Но ко мне это не имеет никакого отношения. Я с женщинами схожусь для взаимного удовольствия. Взаимного, заметьте.

Кто бы в этом усомнился! Сергеев в прекрасной форме. Но и Серебряков был не промах. Вот такие они, молодые

бизнесмены. Ведут здоровый образ жизни, занимаются спортом, не курят и не пьют. Содержат любовниц. Опять-таки, для здоровья полезно. И внутри, и снаружи – броня.

– У вас были конфликты с покойным шефом? Или другом? Как вам удобнее?

– Меня его женщины не интересовали.

– А если отвлечься от волнующей вас темы? – Леонидов начинал подозревать, что комплексами в отношении противоположного пола страдает сам Павел.

– А чего мне с ним было делить?

– Как же так, Павел Петрович, а доходы? А власть? Неужто ваш номер – второй и вы с этим смирились? Судя по сегодняшней игре, лысого вы натянули.

– Этот лысый, как вы изволили выразиться, – уважаемый человек. – Сергеев пожевал губами. – У нас официальный допрос или как?

– Или как. За лысого простите. Разумеется, здесь все уважаемые люди.

– Что ж, извинения приняты. Что с вас взять... – Павел кашлянул и проглотил последнее слово. Как Леонидов догадался, «ментов». – Вы уже наверняка наслышаны, что приятным человеком Серебряков не был. У всех рано или поздно возникали с ним трения. Он не любил людей и никогда их не жалел. Загонял, как лошадей, и безжалостно бросал, когда нужда отпадала.

– Следует ли из этого, что по отношению к вам тоже была

допущена несправедливость?

– Понимайте, как хотите. Я жаловаться не собираюсь. Тем более вам... – Слово «ментам» он опять проглотил. – Я в Сашу не стрелял, сидел дома с Норой, она может подтвердить, да и другие свидетели найдутся. Так что не надо мне наводящие вопросы задавать. Могу доказать, что я вообще стрелять не умею. И оружия у меня нет. И взять неоткуда. И справочку соответствующую принести.

– Можете. А что же вы так боитесь, что именно вас могут обвинить в убийстве? Так боитесь, что даже заранее начинаете оправдываться. Кстати, в Серебрякова стрелял наемный убийца. Судя по всему. Так что вам и не обязательно быть мастером спорта по стрельбе, достаточно иметь деньги. Хорошо вам платил покойный?

– На жизнь хватало.

Он врал. И не первый год. Ему не хватало. И врал не только этому тощему нахальному оперу. Он запутался в этом вранье, но миф о своем богатстве поддерживал. Мол, он не просто начальник отдела продаж, он компаньон Серебрякова. Не на зарплате сидит, а получает процент. Отсюда все. Машина, квартира, любовница. Теннис, час игры в который стоит не дешево, но Паша Сергеев не скупится. Да и чего скупиться, если денег куры не клюют?

Все считали Пашу человеком богатым, и он скорее пустил бы себе пулю в лоб, чем позволил, чтобы кто-то думал иначе. Самым страшным для него было признать, что другие до-

бились большего. Имеют больше. А он никто. Зависть была тайным пороком этого приятного во всех отношениях парня. Злое чувство возникало из ничего: вот девушка прошла мимо – красивая девушка, и кто-то с ней спит. Почему не он, Павел Сергеев? Машина проехала мимо: крутая машина, и сидит в ней какой-то лысый хрен, а он, Павел Сергеев, смотрелся бы гораздо лучше. Хата, в которой живет подруга приятеля, – крутая хата. Он бы, Павел Сергеев, лучше вписался в роскошный интерьер. И дорогие теннисные корты только и ждут легких Пашиных шагов на упругом покрытии. Ждут именно его и дорогие магазины, и швейцары в шикарных ресторанах должны улыбаться приветливее, чем кому-либо еще. Павел Сергеев – король жизни. Все остальные – его слуги. Но...

Красивая жизнь его отторгала. Как инородное тело. Неудачник завидовал всем, кому повезло. Чужой кусок всегда слаще, чужая постель мягче, а чужая жена желаннее прочих женщин. Паша страдал и делал долги. Вот-вот он выкрутится, и ему непременно повезет. Будут деньги, много денег. Будет своя собственная фирма. Ему давали, ибо созданный Пашей имидж служил гарантией возврата. Такой шикарный парень! На такой машине! С такой блондинкой на переднем сиденье! Ну разумеется, отдаст. Он перезанимал у одних знакомых, чтобы отдать другим, потом перезанимал у тех, кому только что отдал, и в итоге очутился в кругу одних только кредиторов. И, естественно, самым крупным был его

шеф и друг детства Александр Серебряков.

Самое скверное, что тот его быстро раскусил и не упускал случая лягнуть в больное место. Мол, богатый бедняк. Уступи любовницу со скидкой, как подержанный товар, когда начнется распродажа имущества. А до этого недалеко. Сначала Сашка давал деньги легко и отмахиваясь: какие, мол, с друзей проценты! Тем более, что начинали они вместе, и Паша поначалу вложил в фирму собственную наличность. Скоро его потребности превысили доходы, и деньги свои он постепенно изъясл из оборота, о чем потом жалел до умопомрачения, ибо обороты фирмы росли. Серебрякову же это было на руку. Над Пашей он тайно смеялся. Вот ведь нет у человека терпения! Подожди годик-другой, и все будет твое. Машины, квартиры, блондинки, брюнетки. Терпения нет.

Выкупив его долю, Серебряков стал единоличным хозяином фирмы. А спустя какое-то время стал брать с бывшего друга немалые проценты. Ибо дружба между ними давно уже кончилась. Паша дернулся было туда-сюда, пробовал стать в позу, но Серебряков держал его на коротком поводке. Паша не мог уйти из фирмы, не мог найти другую работу, за которую платили бы больше. Его зарплату Серебряков устанавливал сам, а он не любил переплачивать. Так тянулось довольно долго, и Паша смирился. Серебряков держит его долгами, чтобы работал на фирме. Но топить не станет. Паша нужен фирме. У него знания, опыт. Все утрясется. Но тут, совсем некстати, Нора попросила новую шубу: «До зимы ру-

кой подать, – сказала она. – Ты же не хочешь, чтобы рядом с тобой шла облезлая обезьяна?»

До облезлой ей было далеко и в старой шубе. А что касается обезьяны... До нее у Паши было много девушек. Это было важной составляющей его имиджа – блондинка на переднем сиденье машины. Надо одевать ее так, чтобы все поняли: у парня есть средства. К кукле же предъявляются следующие требования: смазливое лицо и стройная фигура. Волосы у Норы были крашенные, ногти наращенные, ресницы тоже. Но ноги настоящие. Паша относился к ней, как к дорогой игрушке. Заниматься любовью с Норой было невыносимо. Ее отвратительные ногти раздражали. Судорожно сцепив руки у него на спине, Нора в момент накала его страсти думала только о том, как бы их не сломать. Он терпел, потому что на нее оборачивались. Шикарная девица! Но ведь дура набитая!

– Я хочу шубу...

– Милая, у тебя же есть шикарная шуба...

– Шикарная?! Ей уже год.

– Но...

– Ты же не хочешь, чтобы твоя девушка выглядела как пугало. Мне нужна новая шуба.

Отказать? Пойдет сплетня. У Норы много подружек в кругах, где вращаются Пашины кредиторы. Купить? А деньги? Деньги где взять?

Паша еще не знал, что главный удар, причем в спину, на-

несет ему бывший друг. Друг детства...

– ...Да, на жизнь мне хватает.

– Ну тогда вы счастливый человек, Павел Сергеевич! Завидую. Не многие этим могут похвастаться. А вы вот молодец! Я так понимаю, живете экономно, да и девушка ваша лишнего не просит. Умная девушка.

– Не надо иронизировать. И вообще: вы не там ищете. Чтобы я заказал Серебрякова? Чушь! Меня все устраивало. Так называемые вторые роли. Вся ответственность ложилась на Серебрякова, а с меня какой спрос? Бизнес-планы разрабатывал Серебряков, кредиты брал Серебряков, с «крышей» договаривался опять-таки Серебряков...

– Насчет «крыши»... Так как? Все в порядке?

– Вполне!

– Могли его заказать конкуренты?

– Не думаю. Хотя... Кто знает? Я могу предположить...

– Ну-ну? Попробуйте!

– Кто-то из обиженных. Или на бытовой почве. Не бизнес.

– Ну хорошо. Вы были его другом?

– Я бы не сказал. Последнее время мы друг от друга отдалились. Но раньше...

– Раньше? Праздники вместе справляли? В дом к ним были вхожи?

– Что-то вроде того. Мы ведь родились и выросли в одном городе. Учились в одной школе. Вместе основали фирму.

– Так почему наступило охлаждение? Что случилось?

– Это естественно. Чем старше человек, тем больше его тянет к семье. Побывать с близкими людьми, провести вечер у телевизора, – проямлил Сергеев.

– Но, насколько я знаю, в семье у Серебрякова не очень, мм-м-м... тепло.

– Это не мое дело, – поспешно сказал коммерческий директор.

– Значит, вы хорошо знаете его жену, Ирину Сергеевну. А любовницу?

– Любовницу? Какую любовницу? – заволновался Павел.

– Их что, было несколько?

– Ах, любовницу! Вы имеете в виду... Лану, конечно! Естественно, я знал. Нора и Лана подружки. Мы вместе вывели своих девочек в свет, туда, где не требовалось соблюдать этикет. Есть мероприятия, куда приходят с женами, а есть те, где все с любовницами. Это заранее обговаривается. А то может возникнуть неловкость. Мне проще. Я мог переиграть ситуацию и назвать Нору своей невестой. Допускается. Я ведь холост. В отличие от Серебрякова. Девочки хорошо ладили. Знаю, что они встречались и без нас, обсуждали свои женские проблемы.

– Пили на кухне коньяк и сплетничали.

– Нора не пьет коньяк. Только мартини. С соком.

– Это вы так полагаете. При вас она, конечно, марку свою держит.

– Знаете, Алексей Алексеевич, я немного устал. Тяжелый день, потом теннис. Саши ведь нет теперь с нами, – скромно опустил глаза коммерческий директор. – Мне надо подумать о будущем фирмы.

– Кстати, о фирме. Могу я посетить ваш офис?

– Да, пожалуйста! Хоть завтра, прямо с утра! Я подготовлю сотрудников.

– Что ж они у вас, пугливые?

– Вы все время цепляетесь к словам. Если я подозреваемый, предъявите мне обвинение. И документ, согласно которому я должен давать показания. Если же у вас ничего такого нет, то... До свидания. Извините, мне и в самом деле некогда.

Он нагнулся к спортивной сумке и вытащил из нее штаны. Потом куртку. Леонидову ничего не оставалось, как уйти. Что можно предъявить коммерческому директору? Ничего. Пока ничего. Надо поговорить с сотрудниками фирмы, вдруг да всплывет интересный факт. Леонидову захотелось взглянуть на машину Павла Сергеева. Неплохо бы и квартиру посмотреть. Любовницу он уже увидел.

Столкнувшись по дороге на автостоянку с Норой, Леонидов усмехнулся: «Богатой будет. Только что о ней думал». В руках у Норы ничего не было, мужчины, который шел бы за ней хвостом, тоже не наблюдалось. Разумеется! Бутылка с минеральной водой в сумке у Сергеева! Это был только предлог. И для Норы, которая не упустила случая продефи-

лироваться в короткой юбке мимо кортов, где потели солидные и уважаемые люди. Видно, сегодня удача от нее отвернулась. Золотая рыбка не клюнула, только тощий карась Леонидов. На него Нора и не взглянула.

Вздыхнув, Леонидов продолжил свой путь. Минут десять крутился на автостоянке и даже привлек внимание охраны. Подошедшему парнишке с квадратной челюстью сказал:

- Спокойно, милиция. – И сунул в нос удостоверение.
- Сперли чего? – деловито поинтересовался охранник.
- Честь, совесть и достоинство.

К автостоянке в сопровождении Норы подошел Павел Сергеев. На Леонидова он даже не посмотрел, сразу полез в машину красного цвета. «Пеужот», – прочитал Алексей. Сколько же бесполезных букв во французском языке! Такое короткое слово – «Пежо». И так много букв на конце!

Сергеев сел на водительское место, Нора рядом, и машина тронулась. Водил Павел лихо. «“Пежо” – это, наверное, от слова “пижон”», – подумал Алексей, наблюдая за процессом. Именно в этот момент ему пришло в голову, что у коммерческого директора долги. А кто был так богат, чтобы давать в долг, и так близок Сергееву, чтобы не отказать старому другу? Серебряков! Кто же еще? Капитан вздохнул и пошел на маршрутку. Сил толкаться в метро уже не было, а надо доехать до места прохождения службы, отчитаться перед начальством о проделанной работе, и только тогда можно рвануть домой. Спать.

В маршрутном такси он задремал. Когда очнулся, увидел объявление. На альбомном листе синим фломастером было выведено: «Остановки “тута” и “здесь” не объявлять!»

– Остановите, пожалуйста, вон у той зеленой палатки, – попросил он.

– Ты читать умеешь? – бросил через плечо водитель.

– Да, – скромно сказал Алексей. – Красиво написано. Но я сказал: у палатки.

– Ага. У фонарного столба, у дерева, возле той большой черной собаки, перед указателем на деревню Васькино-Мордаськино. Всего не перечислишь.

– Ну что вам, трудно?

Водитель выругался и дал по тормозам. Такси остановилось, Алексей шагнул к двери и потянул за ручку. Ах, эти двери маршрутного такси! Поэма о чувствах человеческих. Которые со знаком минус. Приложишь минимум силы, она не откроется. Станет стыдно. Мужчина, а такой слабый. И женщины. Смотрят. Приложишь максимум, водитель заорет благим матом, как этот:

– Если все так будут хлопать, я скоро без дверей останусь!

– И без крыши, – буркнул Леонидов, аккуратно закрывая дверь, и прищемил палец.

Маршрутное такси уехало, а он подул на руку, чтобы унять боль.

«Хочу машину», – тут же заныла душа. Ей только дай повод, начнет скулить. Почему люди не летают, почему летают

другие люди, почему они и не люди вовсе?

А ведь еще в автобус лезть! А Павел Петрович Сергеев, мало того что послал куда подальше, укатил на шикарной машине в сопровождении шикарной блондинки. Ну как тут не обозлиться? Как остаться человеком? Вот так и рождается классовая борьба. Бедный, но талантливый сыщик Алексей Леонидов собирался «бороть» коммерческого директора фирмы «Алексер» и быть при этом безжалостным и беспощадным.

* * *

– Алло! Привет, подруга, узнала?

– Нора? Привет.

– Не спишь еще?.

– Уснешь тут! Одна в квартире, а по телевизору сплошняком идут ужастики. По первой «Зов убийцы», по российской какой-то там «Безжалостный свидетель», а по кабельному вообще «Полночный маньяк»! И это после вчерашнего! У меня свет везде включен, а все равно пробирает. Ты про моего Серебрякова-то в курсе?

– Да уж. Выстрелы слышно было?

– Я сериал смотрела. Который в десять вечера начинается. Из-за Шурика две серии в неделю приходилось пропускать. Он, как приходил, сразу переключал на политику. А вчера вечером Серебрякова все нет и нет. Думаю, слава тебе, Гос-

поди, может, в пробке сидит, хоть десять минут посмотрю, а оно вон как оказалось. Представляешь, я-то, дура, еще радовалась, что он задерживается! А его в это время убивали!

– Да уж.

– А я знала? Выстрелов никто не слышал. Пистолет-то, говорят, с глушителем был.

– Слушай, ну ты как?

– Да нормально.

– Жалко?

– Себя? Да.

– Что, совсем плохо?

– Денег нет. Только что потратилась.

– Что купила-то?

– Да дубленку новую в «Снежной королеве».

– Сколько?

– Две штуки, – слегка приврала Лана.

– Всего? – подколола подруга.

– Ну, ты знаешь, мой-то не баловал. Да и барахла у меня полно. И дубленка не нужна была. У меня еще шуба не сносилась. Из норки. Как новенькая! Просто Шурик обещал новую машину, вот я и купила короткую дубленку, чтобы удобнее было за рулем да чтобы норку не трепать зря.

– А ты какую тачку хотела?

– Третьего «Гольфа». Теперь накрылась моя голубая мечта. «Жигули» в ремонт пришлось отогнать, сцепление барахлит, да и надоела уже эта рухлядь. Хорошо хоть вперед от-

дала бабки.

– Да, жаль, – сказала Нора с плохо скрываемой радостью в голосе.

У нее-то машины не было никакой, и в этом вопросе Паша был тверд, как скала.

– А ты у Пашки шубу-то выклянчила?

– Разбежалась! Жмот он. Да сдастся мне, у него и денег нет.

– Как нет? Он же коммерческий директор, совладелец!

– Это он так говорит. Я недавно слышала краем уха, как он с Серебряковым собачился, царство ему небесное. Раньше все тихо-мирно было, а тут орали так, что мне даже подслушивать не пришлось. Серебряков прямо сказал, что Пашиной доли и в помине нет, ему надоело, мол, субсидировать его дорогие привычки.

– Чего-чего делать?

– Субсидировать. Слово такое, но не суть. Я одну фразу четко запомнила: «Ты все отдашь до копейки и тогда, когда я тебе скажу». Вот так-то, подруга.

– Да, значит, обе мы с тобой на мели.

– Как знать, как знать. Серебряков помер, а жена его королева коровой. Авось, Паша и развернется, она-то считает, что он близкий друг, совладелец и все такое.

– А я теперь женщина свободная. Познакомила бы ты меня с каким-нибудь мужиком, что ли? С богатеньким Бурагино.

– Смеешься! Кто ж таких отдаст? У меня с Пашей, похоже, остывает.

– Что, сорвался?

– Вроде того. Так что скоро вместе пойдем, подруга, на вольные хлеба.

– Приезжай. Дубленку посмотришь, посидим, водочки попьем. Коньяк у меня кончился, а денег нет.

– Лучше в кабак. Я приглашаю. Может, зацепим кого.

– Что мы, дешевки?

– Милая, знаешь, какая конкуренция подрастает? Поможет нас с тобой, да и поумнее. Кризис всех на улицу выкинет. А умные девки в цене: образование, манеры, языки.

– Может, и нам пойти поучиться?

– Ты читать-то еще не разучилась, подруга? Поучиться! – хмыкнула Нора. – Пойди в институт заявление подай.

– А сама? Ладно, в кабак так в кабак. Гульнем на последние. Что ж делать! Времена сейчас тяжелые.

– А ты объявление в газету дай: «Молодая, красивая, свободная, ищет состоятельного мужчину...»

– Смеешься?

– Ну вывеску на грудь нацепи: «Свободна, сдаюсь в наем».

– Что я, квартира?

– Это как сказать.

– Ладно-ладно, я посмотрю, как ты пошутишь, когда тебя к следователю таскать будут.

– А меня-то с чего?

– Что ж мне, одной, что ли, отбиваться? Кстати, следовательно ничего. Или кто он там? Можно и пообщаться.

– А, этот блондин в дешевых шмотках? Приезжал сегодня к Паше, когда мы в теннис играли.

– Ну шмотки у него, может быть, и дешевые, зато в шмотках все нормально.

– Проверяла?

– Нет еще. Но на коленки мои он пялился.

– Пустой номер. У них же там, небось, облик морале.

– Прям! Что они, не мужики? Я в следующий раз, когда придет допрашивать, обязательно шорты кожаные надену. Здорово действует!

– Ты серьезно? Нужен он тебе! Знаешь, какая у них зарплата?

– А я так, на интерес, может, он мне понравился?

– Давай-давай, подруга, потом расскажешь. А вообще-то не советую.

– Это ты говоришь потому, что тебе слабо такого мужика завалить. Порядочного.

– Кому, мне?! Тебе не слабо, а мне слабо? Ну и самомнение у тебя, Ланочка!

– Пари хочешь?

– А давай. На что?

– Ужин в ресторане. Если я с ним пересплю, ты платишь, если ты – я плачу.

– А если он сегодня со мной, завтра с тобой?

– Ничья. Каждый платит за себя.

– Какой ресторан? – деловито спросила Нора.

– Кто выигрывает, тот и заказывает музыку. Неделя сроку,

а потом подводим итоги.

– Только по-честному, на слово, презервативы предъявлять не будем.

– Что ж, нам из-за мента на анализы разоряться?

– Ну ладно, подруга, звони.

– Пока.

Леонидов тем временем брел домой, в кармане его куртки лежала кассета с фильмом «Титаник». Он хотел две банальные вещи: есть и спать. Жизнь человеческая делится на сон, еду и проблемы. Первого и второго всегда мало. Третьего слишком много. В свете последних событий в стране и мире этого стало еще больше.

Он был уверен, что под «Титаник» мгновенно уснет. Дело не в фильме. Фильм хотелось бы досмотреть до конца, но это проблема.

Глава 2

О чем плачут любовницы

Кто берется поспорить с тем, что самый отвратительный звук на свете – сигнал будильника? Никто! Это самый ненавистный, но самый необходимый предмет в обиходе. Вовремя не встал – проспал на работу. Начальство пришло в бешенство, последовал выговор. Три выговора – увольнение. Нет работы – нет денег. И все из-за будильника, который вовремя не зазвонил!

Алексей всегда ставил будильник на десять минут раньше, чтобы поваляться еще немного в постели и кое-что обдумать. Десять минут на то, чтобы разработать наполеоновский план и взять этот день штурмом. Вместо взыскания получить поощрение, быть может, премию и возвыситься в собственных глазах. Пусть у меня нет машины, но зато я гений сыска! Потом он вставал и начинал барабанить гамму. «До» – сделать зарядку, принять холодный душ и окончательно проснуться, выпив крепкий кофе. «Ре» – причесаться и попытаться привести себя в божеский вид. «Ми» – битва в общественном транспорте. «Фа» – зализывание боевых ран. Перед работой надо настроиться именно на работу и ни в коем случае не психовать. Неприятные дела – все на вечер. Авось, автоматически перенесется в завтра. А завтра может

тянуться долго. Неделю, месяц, а то и больше. «Соль» – составить план на день. Разумеется, рабочий план. «Ля»... Сегодня на этой ноте он невольно вздрогнул. Надо же помнить об этом всегда! Потому что на «ля» начинается имя его девушки! На которой он должен со временем жениться и которой не звонил вот уже три дня! Ля-ля. Ляля. Лялька.

Вообще-то ее звали Еленой. Раньше девушка с таким именем была в его жизни одна. И он не путался. Теперь появились еще две. Итого три. Лена – имя отнюдь не редкое. Пусть же Елена Завьялова останется Леной, любовница Сергеева – Норой, а его ненаглядная по-прежнему Лялькой. Когда они поженятся? Скоро. Так Леонидов отвечал всем. «Мы с Лялькой скоро поженимся». Что не мешало ему заглядываться на других красивых девушек. И даже крутить романы. Верность любимой он будет хранить после свадьбы. Неприятную обязанность лучше оттягивать до конца. Пока есть силы. Это значит, надо оттягивать свадьбу. «Скоро», – отвечал Леонидов, И по-прежнему оставался жить с мамой. А мама по-прежнему его ругала. Она хотела внуков. Сын же считал себя юношей бледным со взором горящим. Тридцатилетний оболтус! Друзья давно уже обзавелись семьями, а он все раздумывает! И наконец, Ляле недавно исполнилось двадцать пять. Самое время замуж, пора подумать о детях. Если оболтус не поторопится, девушка найдет себе другого. Не оболтуса.

Ляля работала секретаршей в маленькой фирме, и ей это

до чертиков надоело. Зарплату не прибавляют, фирма не растет, работа нервная, приходится крутиться весь день, как белка в колесе, потому что нанять ей помощницу шеф скупится. Хочется покоя. Семейного счастья, детей. Годок отдохнуть, потом подбросить ребенка бабушке и в новом статусе начать новую жизнь. Ляля изо всех сил боролась с двумя вещами, отравляющими ее молодую жизнь: с пассивностью своего жениха и с лишним весом. Увы! Она начала полнеть. А что если ее такую больше никто не полюбит? И она давила на Алексея. Надо устроить личную жизнь, пока лишний вес не сделал ее, веселую, милую девушку, нервной и раздражительной. Одним словом, стервой. На стерве уж точно никто не женится. С другой стороны, на Леонидова давили друзья – давай, женись, что же, только нам страдать? Присоединяйся!

Он догадывался, чем это закончится. Клубом по интересам, куда придется вступить. На столе бутылка водки и батарея пивных, вяленый лещ и рассказы о женах-стервах. О доме, куда не хочется возвращаться после работы. О деньгах, которых постоянно не хватает. Ты можешь без чего-то обойтись, а ребенок? А жена? Жена должна быть прежде всего понимающей. И не требовать от тебя больше, чем ты можешь дать. То есть понимать, где предел твоих возможностей. А если уж быть честным до конца (никто ведь не узнает!), что Леонидов не любил Лялю и стеснялся себе в этом признаться. Тем более другим. Ведь он с ней спал. Хотя аргумент «ну не люблю я ее, потому и жениться не хочу» куда более весо-

мый. А ответ на вопрос: «Почему же тогда ты с ней спишь?» вполне логичен. Потому что я мужчина.

«Я должен ей сегодня позвонить, – сказал он себе. – В конце концов, это мой долг как честного человека».

Мужчина может жениться без любви в двух случаях: если это брак по расчету или если он настоящий мужчина...

Явившись на службу, он сказал начальству, что согласно плану оперативно-розыскных мероприятий по делу об убийстве А. С. Серебрякова и пенсионеров Завьяловых должен посетить фирму «Алексер», и отбыл. В метро он думал о Ляле. И настраивался. Не любить надо красиво. Самолюбование может подвигнуть даже на такой подвиг, как женитьба.

Вывеска магазина «Алексер» украшала фасад пятиэтажного дома, расположенного в центре Москвы. Бойкое место. И дорогое. Цены на аренду здесь ого-го! Это офис и самый большой магазин покойного Серебрякова. Остальные на окраинах.

«Бытовая техника, оргтехника и офисное оборудование», – прочитал Алексей. Магазин был открыт. Кроме «Алексера» фасад дома осыпали вывесками «Мясо – рыба», «Интерьер», а угол – «Оптика». Конечно, «Алексер» выглядел куда убедительнее своих соседей. И занимал большую площадь. Магазин был на первом этаже. Офис, должно быть, выше. Все смотрелось так солидно, что Леонидова поразила безликость. Когда люди любят то место, где проводят большую часть дня, они стараются как-то его приукрасить.

Принести что-то из дома, что грело бы душу. Или придумать какую-то изюминку, ведь покупатель чувствует тепло. И идет на него. Похоже было на то, что сотрудники «Алексеера» просто отбывают здесь свой номер. И не собираются задерживаться. А почему? Магазин как магазин. Но глазу не за что зацепиться. Леонидов почувствовал, что начинает замерзать. Да, здесь холодно. И белый цвет стен напоминает о зиме. Его удивила упитанность сотрудников. Ничего съедобного в торговом зале не было, а девушка-менеджер была розовощекой, полной, с мощной грудью. Кассирша ей не уступала. У молодого человека в белой рубашке лоснились щеки. «Что у них тут, кондитерская за углом, в которую они беспрерывно навещают?» – подумал Леонидов, когда в торговом зале появилась еще одна пухленькая продавщица. То есть менеджер. Первая, огромная деваха с пшеничными лохмами, переглянулась с вошедшей и поплыла к двери в служебное помещение.

Обозрев все это откормленное великолепие, Алексей сразу догадался, кто здесь главный. Слева, за столом, на котором стоял монитор, сидел молодой человек в темном костюме, который то и дело бросал недобрые взгляды на сотрудников. То есть не костюм, а его владелец бросал взгляды. Перед ним стояли два телефона и табличка с надписью: «Управляющий». Начальник, значит. Во-первых, он толще всех, во-вторых, два телефона и табличка о чем-то говорят. Капитан вдруг застеснялся своей худобы. Не то чтобы он не любил

полных. Но когда все такие...

Леонидов подошел к столу. В монитор молодой человек в темном костюме смотрел с таким видом, что было понятно: бухгалтерия для него – дело плевое. Приблизившись, Алексей разглядел надпись на бейдже. На мощной груди управляющего значилось: Иванов В. В. Ну и чин, разумеется. У остальных тоже было что-то написано, но издалека не разглядеть. Алексей подумал, что почитает потом. Тем более что в это время из боковой двери вышел хрупкий молодой человек, явно некомпанейский, потому что не бежит в кондитерскую вместе со всеми, и предложил свою помощь. На его левом кармане, ближе к сердцу, тоже висела табличка с надписью «Иванов», но уже «А. А.».

– Спасибо, я к товарищу, – кивнул Леонидов на управляющего, который не обращал на него ни малейшего внимания.

– Что вы хотели? – неотрывно глядя в монитор, буркнул тот.

– Уголовный розыск. Я расследую убийство вашего шефа, Александра Сергеевича Серебрякова. Вы вообще в курсе? – Леонидов вынул удостоверение, но оторвать управляющего от монитора, видимо, могло только цунами. А уголовный розыск – тьфу!

– Сейчас рабочее время, – наставительно сказал В. В. Иванов.

– Какое совпадение, у меня тоже! Народу у вас маловато,

кризис проклятый злобствует. Вот ведь напасть? А? Уделите, Христа ради, пару минут, тем более я с разрешения Павла Петровича, а?

Разумеется, Леонидов мог бы быть жестким, а не юродствовать, но в его душе ликовал мальчишка. Презирай меня, презирай больше. Умный человек потому и умный, что может это скрыть. А из твоего презрения я сварю жирные щи. Которыми наемся досыта.

Иванов неохотно оторвался от монитора и Алексей увидел его глаза. Маленькие и очень светлые. Два ледяных айсберга, которые топили корабли, как делать нечего. К примеру, «Титаник». Который он вчера – увы! – так и не досмотрел.

– Пройдемте в мой кабинет, – сказал Иванов и тяжело поднялся.

Алексей двинулся вслед за его необъятной спиной к двери, на которой было написано: «Служебный вход. Только для сотрудников!» «Остановки “тута” и “здесь” не объявлять», – сказал он себе, очутившись в белом коридоре, в котором ничего интересного не было. Кроме коридора, который сам себе был неинтересен.

Остановку он объявил в крохотной приемной, потому что там сидела очень худенькая и симпатичная девушка. «Здесь», – скомандовал себе Леонидов и замер, потому что не удержался, объявил запретное. Управляющий его интересов не разделял, потому проследовал дальше, не обратив на де-

вушку ни малейшего внимания. Дальше был его кабинет. Леонидов догадался об этом по табличке с надписью «Управляющий».

Кабинет тоже был крохотным. И не соответствовал габаритам В. В. Иванова. Аренда дорогая. Не хочешь худеть – будем вычитать за квадратные метры из зарплаты. Так мог сказать покойный Серебряков. А что? Судя по имеющейся о нем информации, вполне! Из мебели в кабинете было следующее: стол, два кресла, компьютер, монитор, два телефона. Управляющий сел за стол и уперся взглядом в монитор. Алексей присел в кресло и сказал:

– Мое имя-отчество Алексей Алексеевич. А ваше?

– Валерий Валентинович Иванов. Управляющий торговым залом.

– Очень, очень приятно. Кстати, а менеджер Иванов А. А. ваш однофамилец?

– Двоюродный брат.

– Надо же! А еще какие-нибудь ваши родственники здесь работают?

– Это не имеет никакого отношения к вашему делу.

– Я пока еще сам не знаю, что имеет отношение к нашему делу, а что нет, поэтому надеюсь получить ответ на все свои вопросы.

– Пожалуйста. Моя жена работает в торговом зале менеджером.

– У вас семейный подряд?

– Я предпочитаю людей, которым могу доверять.

– Значит, у вас есть тайны?

– Коммерческие тайны есть у любой фирмы. Моя жена может рассказать их только мне, а чужая – абсолютно постороннему человеку.

– Ага. Мужу. Ей он самый близкий человек, а вам посторонний. Причем абсолютно. Логично, а главное, деньги из семьи не уходят. Бухгалтер фирмы вам случайно дядей-тетей не приходится?

– Бухгалтера нанимал Серебряков, – спокойно, без эмоций отвечал В. В. Иванов. Пробыть его толстую шкуру было невозможно.

– Остальных сотрудников вы, я так понимаю, нанимали сами?

– Да, это входит в мои обязанности. Когда меня назначили управляющим, я привел свою команду.

– Предварительно уволив тех, кто здесь до этого работал? – уточнил Леонидов.

– Мне предоставили полную свободу действий. Думаю, обоснованно, я полностью оправдал доверие руководства.

– И много людей вы уволили, оправдывая это доверие?

– Всего-навсего семь.

– Прекрасно! Всего-навсего семь. Значит, теперь по белому свету гуляют семеро обиженных на фирму «Алексер» и лично на А. С. Серебрякова. Ведь вы увольняли людей от его имени. Виновен не управляющий, который действовал

согласно приказу, а тот, кто его издал. Кстати, вы в курсе, что времена тяжелые? Что работу сейчас найти очень непросто? А если у кого-то детей кормить нечем или больные родители на иждивении? Приказ об увольнении подписывал Серебряков? Кто разговаривал с этими людьми в их последний рабочий день?

– За это не убивают.

– А вы знаете, за что убивают? За два рубля могут убить, когда на водку не хватает. И когда козлом назовешь, запросто могут нож в живот всадить.

– Мы интеллигентные люди, и я не думаю...

– Если интеллигентные люди, значит, ими можно попользоваться и выкинуть на улицу, не боясь, что они затаят злобу, так, что ли? Интеллигентность подразумевает порядочность. Вот ведь! Учить вас некому! А теперь представьте, что среди этих семерых нашлась личность, которая прощать не умеет и несправедливость воспринимает болезненно, причем больше в отношении других, чем себя. И мозгов у этой личности хватает, потому что образование у нее высшее. И диплом имеется. Вы ведь берете на работу только с высшим образованием? За исключением, разумеется, курьера и уборщицы. Но их вы не уволили. Спите вы спокойно, Валерий Валентинович?

– Я не разделяю ваших опасений.

– Это потому, что стреляли в Серебрякова, а не в вас? А может, вы под вторым номером?

– Ваша задача как милиции защищать граждан, а не запугивать их.

– Правильно вы понимаете мою задачу, и мне, к сожалению, нечем крыть, поэтому я сейчас возьму у вас список уволенных сотрудников и пойду проверять их алиби. Есть у вас такой список, Валерий Валентинович?

– У Паши есть. Извините, – кашлянул управляющий, и Леонидов с удовлетворением отметил, что голосок у него подсел. – У Павла Петровича.

– У вас, значит, нет. Судьбой бывших сотрудников не интересуетесь? А где ж Павел Петрович, что-то я его сегодня не наблюдаю?

– Он поехал в банк.

– Вчера в банк, сегодня в банк. Интересная жизнь у человека! А меня, значит, просил приехать с утра, чтоб наверняка не встретиться. И когда он приедет, наш незаменимый?

– После обеда.

– Ну до этого времени я, конечно, здесь не досижу. У меня тоже работа. Кто составил ему компанию в таком ответственном мероприятии, как поездка в банк?

– Главный бухгалтер.

– А вообще-то люди в офисе еще есть? Кроме вас, вашей секретарши и тех, кто в торговом зале?

– Конечно. У нас большой штат, наверху находится оптовый отдел, кабинет С... Серебрякова, – чуть замялся управляющий. – И Павла... Петровича. Насколько я знаю, на ра-

бочем месте должны находиться помощник бухгалтера, три человека со склада, повариха, секретарь Паши, то есть Павла Петровича, и секретарь Серебрякова, ее пока не уволили.

– Отлично. Просто отлично! И кто мне может помочь со списком?

– Конечно, Марина. Все Пашины бумаги у нее, вам и не обязательно его дожидаться.

– Представьте меня, пожалуйста, этой девушке.

– Пройдемте.

Они вернулись в пункт «здесь», к столу, где сидела симпатичная девушка. И вновь управляющий подле нее не задержался. «Жена работает в торговом зале», – сообразил Леонидов и Валерия Валентиновича откровенно пожалел. Мужчина, который не имеет возможности крутить служебные романы, все равно что половина мужчины.

Они вошли в лифт и поднялись на третий этаж. Суровый охранник пропустил их беспрекословно. И вновь приемная. Теперь уже высшего эшелона. Стол, за столом сидит девушка. На столе – монитор. Эта девушка была еще симпатичней, чем та, внизу. В темном костюме, юбка короткая, туфельки на шпильках. На лице минимум косметики, но это ее не портило. Напротив. На Валерия Валентиновича красавица взглянула с откровенной неприязнью. Управляющий ответил ей взаимностью.

– Марина, поищи для господина оперуполномоченного список сотрудников, которых я уволил, когда вступил в

должность, – сказал он ледяным голосом.

– Да, я все сейчас найду, Валерий (многозначительная пауза) Валентинович, – не осталась в долгу красавица. В ее голосе слышалось презрение.

«Первый этаж враждует с третьим», – сообразил Леонидов. Первый ближе к народу, верхний к начальству. Пока был жив Серебряков, верх был за третьим. А что теперь?

Иванов отчего-то продолжал нависать над столом и грозно сопеть, пока Алексей не посоветовал:

– Идите в зал, Валерий Валентинович, вас клиенты ждут. Не смею больше задерживать.

Тот нехотя направился к лифту. Чует кошка, чье мясо съела. Иванов знал, что красавица наговорит о нем гадостей. Заодно сдаст и первый этаж со всеми его интригами. Едва не столкнувшись с ним, из кабинета справа вылетела еще одна очаровательная девушка в темном костюме и с элегантной стрижкой. Рыженькая. Именно вылетела, легкая, как перышко. Леонидову нравилось здесь все больше и больше. Это ж не офис, а малинник! Одна девица-ягодка краше другой! У покойника был хороший вкус! Как славно, оказывается, быть генеральным директором! Можно нанимать на работу сколько угодно красавиц и любоваться ими с утра до ночи. Управляющий уехал в лифте, девушки остались. Леонидова это более чем устраивало. Рыженькая подлетела к Марининому столу и хлопнула на него пачку исписанной бумаги.

– Паше на подпись.

– А его нет и неизвестно, когда объявится.

– Вот зараза, второй день где-то шатается, – беззлобно ругнулась рыженькая и собралась, было, в обратный полет. Леонидов пошел на перехват:

– Девушка, девушка, на вас таблички нет. Летаете без опознавательных знаков. Вы стюардесса?

– Сотрудница.

– А ваша должность в этом «белом» доме?

– Помощник бухгалтера. Наташа.

– Очень приятно. Алексей.

Теперь Леонидов был в легком недоумении. Почему такие милые люди так далеко от клиента? Фирме что, деньги не нужны?

– Наташенька, я сейчас возьму у Марины нужную бумажку и зайду к вам. Задать пару вопросов. Вы не будете возражать?

– А вы кто?

– Сыщик, но не надо меня пугаться.

Она засмеялась:

– Я мужчин не боюсь.

– Ого! – Леонидов пришел в экстаз.

Оказывается, не только генеральным хорошо. И другим перепадает. Рыженькая упорхнула, он повернулся к Марине:

– Можно я буду звать вас просто Мариной?

– Конечно.

– Тогда скажите мне, Марина, за что вы так не любите

управляющего торговым залом Валерия Валентиновича?

– Так заметно?

– Еще бы!

– Валентиновича! Как же! Еще два года назад он был просто Валера и просто грузчик. А сейчас Валентинович! Управляющий торговым залом!

– Какая стремительная карьера! Он, верно, человек больших талантов.

– Да, и главный талант – лизать до самых гланд. Начальственный зад, – в сердцах сказала Марина. – Зато всех, кто ниже по должности, в упор не видит. И дурак. А дураки, они живучие.

– За что же его так ценил покойник?

– А за то самое. Серебряков последнее время изменился. Мог слышать только «да», и никаких возражений. Деньги портят. А раньше был человеком, – с сожалением сказала девушка.

– А вы, Марина, не боитесь, что Иванов и до вас доберется?

– А после того, как он всех моих подружек уволил и всех хороших людей, мне здесь делать нечего. Я не боюсь. Да и кишка у Валеры тонка против Паши идти. А я – человек его команды. К тому же я к торговому залу отношения не имею. Пока Паша коммерческий директор и пока он наверху сидит, я тут работать буду, сколько захочу.

– Ну а люди, которых Иванов уволил, действительно были

хорошие? Может, вы их слегка идеализируете?

– Девчонки отличные! Все красавицы, умницы. Работали с удовольствием, да и люди с ними охотно общались, постоянные клиенты шоколадки дарили, сувенирчики. И ребята нормальные были. Веселые все, компанейские. Праздники всегда вместе отмечали, такие пляски устраивали, что пол ходуном ходил! Весело было.

– Очень весело?

– Не то слово. Коллектив был хороший. Ни одного стукача. Сплетни наверх не передавались. Никто доносы друг на друга не строчил, атмосфера была совсем другая. А теперь у них, как в склепе, зайдешь, кажется, что мертвечиной пахнет.

– Да, я заметил. Прохладно.

– Скучно стало, на работу неохота идти. Каждый день сплетни, постоянно кто-то наушничает, интригует, подслушивает.

– Но как все-таки мог Серебряков назначить такого человека управляющим?

– А он в людях не разбирался. Надо было пообещать, подписаться под каким-нибудь грандиозным проектом. Вот Валера и наобещал. С три короба. Что продажи вырастут, оборот в два раза увеличится. Народ сюда валом повалит.

– Так, так, так, – сразу насторожился Леонидов. Это уже кое-что. – А выполнил?

– Что вы! Повезло ему, что Серебрякова убили. Ой! – Ма-

рина испуганно прикрыла ладошкой рот.

– Ничего. Добрая вы девушка, Марина. Вас бы в директора, а?

– Такие, как я, директорами не бывают, разве не знаете? Я и увольнять не умею, и ценные указания давать. Лучше подойду да сама все сделаю. У Валеры распоряжаться хорошо получается, вот он и начальник.

– А его жена, он сказал, работает менеджером в торговом зале. Это которая?

– Та, что за кассой. Татьяна.

– Понятно. Из тех семерых, которых уволил управляющий, все были нормальные?

– То есть?

– Злобу никто не мог затаить? Так, чтобы решиться на убийство?

– Вы думаете, что Серебрякова... ой! Нет, это не наши, – решительно сказала Марина. – Девчонки такие хорошие, ребята со склада совсем молоденькие. Да и мужики из торгового зала тоже нормальные. Нет, ерунда какая-то. Все вроде бы пристроились. Да, еще Лариса. Мы ее «мамочкой» звали, добрая такая, хозяйственная. Она сильно плакала, когда уволили. Жалко ее. Но она так плохо видит, что в слона с трех метров не попадет, не то, чтобы стрелять в кого-то. А киллера нанять, денег таких нет. Да и найди его...

– А вы пробовали?

Марина засмеялась:

– Я в Бога верю. Все видит, за все воздаст. И Валера свое получит. Думаете, он счастлив? Да Танюха с живого не слезет. Пилит его и пилит. От себя не отпускает. Он боится глаз на кого-нибудь поднять. Я женщин имею в виду.

– Да, я заметил. – «Какое счастье, что я не женат!» – Значит, из-за жены. А вы не переживайте, – Леонидову захотелось сказать Марине что-нибудь приятное. Девушка рассмеялась:

– Да с чего? Хотят – пусть увольняют, а я лучше ребеночка рожу.

– А муж-то есть?

– Будет. Главное – задаться целью.

Почему-то Леонидову вспомнилась Ляля. «Главное – задаться целью». Вот задается такая целью родить ребенка, не отвертись. Это называется основной инстинкт. А что касается убийства... Нет, стрелять они не будут и убийцу нанимать тоже. Чтобы убить, нужен темперамент. Это должен быть такой сплав силы воли, нервов и ненависти, что мама не горюй! Надо искать человека, способного на сильное чувство.

«Забыл! Непременно надо Ляльке позвонить! Непременно!»

– Забыл, зачем к вам пришел, Мариночка. Хотел всего-навсего список уволенных Ивановым сотрудников получить, а проболтал с вами бог знает сколько времени. Есть у вас адреса, телефоны?

– Да, Ларисы, Лили и Анечки точно. В моей записной книжке. В компьютере должны быть адреса менеджеров. Со складскими труднее, но я поищу.

Зазвонил телефон. Марина сняла трубку:

– Алло? Да, переводи... Приемная коммерческого директора. Слушаю вас. Нет его, к сожалению, нет и не будет до обеда. Нет, никакой информации для вас не оставлял. Что-нибудь передать? Хорошо. До свидания. – Она положила трубку. Вздохнула:

– Все Пашу ищут. А Паша исчез. Что ж будет то теперь? Такое ощущение, что потолок рухнул. А нет только Серебрякова.

За ее спиной, за белой дверью, вдруг раздался грохот и звон разбитого стекла.

– А там кто воюет? – Леонидов кивнул на табличку с надписью «Генеральный директор».

– Оля вещи собирает. Нервничает, конечно. А может, нарочно подарочные сервизы бьет.

– Оля? Какая Оля?

– Секретарша Серебрякова. Личная.

«Как интересно! Личный секретарь Серебрякова!» Капитан был в предвкушении.

– Вы пока поищите мне телефончики, а я, пожалуй, зайду туда.

Он сделал шаг по направлению к кабинету генерального. Сердце сладко замерло. Большая фирма, большие возмож-

ности. Леонидов поднял руку, чтобы постучаться.

– Да вы входите, – посоветовала Марина. – Она там одна.

Кабинет генерального директора был просторным и светлым. И не таким холодным, как другие помещения офиса. На окнах даже были цветы. Прекрасная блондинка в светлом брючном костюме, сидя на корточках, собирала с пола осколки. Когда девушка подняла голову, Алексей заметил у нее на лице слезы.

– На счастье, – улыбнулась ему блондинка.

– Здравствуйте. Вы Оля?

– Совершенно верно. – Девушка распрямилась.

Что ж, вкус не изменил Серебрякову. Он умел подбирать персонал. Женский. Говорят, что в людях не разбирался! Зато разбирался в женской красоте. Девушка вытерла слезы и спросила:

– А вы, случайно, не директор какой-нибудь фирмы?

– А что?

– Я ищу работу.

– Сожалею. Если бы я был директором фирмы, то вы – вне конкуренции. Я всего лишь оперуполномоченный. Расследую убийство Серебрякова. Мог бы предложить вам работу у нас, в органах, но, боюсь, вас не устроит зарплата.

– Откуда вам знать, что меня сейчас устроит? – горько сказала девушка. – Вы, конечно, уверены, что в поисках убийцы надо обратиться именно к личному секретарю убитого.

– А разве не так? – искренне удивился Леонидов. – Неуже-

ли ничего мне не расскажете? Или я вас от работы отрываю? Могу подождать, когда освободитесь, проводить до дома. Хотите, зайдём в кафе, выпьем по чашечке кофе. А хотите, к вам зайдём.

– Я подумаю, – рассмеялась Оля.

Леонидов покраснел. Примерно так он познакомился с Лялей. С одной не разобрался, а уже напрашивается в гости к другой. Причем с намеками. Ну что за натура! Считают, что мужчина думает о сексе двадцать четыре часа в сутки. Стыдно признаться, но... Правда ведь!

– Оля, неужто вас уволили? И не нашлось на фирме другой работы для такой красивой девушки?

– Да вы прямо быка за рога. Смело! А еще говорят, что у меня неприступный вид. Я же сказала, что подумаю. А что касается работы... Так я ведь не состою в родстве с управляющим, а это главный критерий отбора.

– Наслышан, наслышан. Тоже не любите Валерия Валентиновича?

– Любить можно людей. И животных, если они не кусаются.

– А он кто? – с интересом спросил Леонидов.

– Пресмыкающееся.

Значит, конфликт. Между первым этажом и третьим. Верхними и нижними. Да, конфликт налицо. Пойди сейчас на первый, там охают третий. А надо всеми стоял Серебряков. Неужели такой человек пал жертвой офисных интриг?

Непостижимо!

– Оля, а Серебряков в последний день был на работе? С утра до вечера?

– Нет. Появлялся время от времени. Потом исчезал. Он был... странный, да. Именно странный. И нервный. Это при его вечной невозмутимости! Я ведь неплохо его знала. А тут он меня удивил. Было такое чувство, что человек вдруг проснулся. И даже помолодел. Сказал мне комплимент, чего с ним отродясь не бывало. Да, да, не смейтесь! Было такое чувство, что он наконец-то увидел, что вокруг есть люди. Серебряков был помешан на своей фирме, на работе. Зарывался в нее, как крот в нору. Ничего не хотел видеть и слышать, ничто его не интересовало. Кроме работы. Он был трудоголиком. Но последние два дня...

– Что последние два дня?

– Я же говорю, изменился. Если бы я его знала похуже, то подумала бы, что человек влюбился. У него были такие счастливые глаза! Но Серебряков? Влюбился? Невозможно! – решительно тряхнула волосами Оля. – Он, конечно, обращал внимание на красивых женщин, но проходил, не задерживаясь. Говорят, у него была любовница. Если честно, мне ее жаль. Может, у него была какая-то финансовая удача? С деньгами точно связано, потому что он долго сидел накануне с бухгалтершей Юлей. Всех отсылал, на звонки не отвечал. И вечером у Юльки были круглые глаза. От удивления. Инструкции Серебрякова ее поразили. Может, удачная

махинация? Он был мастер на такие вещи.

– А где Юля сейчас?

– Да в банке, с Пашей. Или не в банке. То есть она-то точно там. А где сейчас Паша, никто не знает. Такое ощущение, что прячется. Но от кого?

– Может, от меня? – предположил Леонидов. Теперь ему до смерти захотелось встретиться с бухгалтером. С Юлей.

– Этого я не знаю.

– Даже неудобно спросить... – замялся Леонидов.

– Что такое?

– Да вот все говорят, что у хозяина фирмы с личной секретаршей какие-то особые отношения...

– Да что вы! – Оля откровенно расхохоталась. – Только не Серебряков! Он никогда не смешивал работу с удовольствием. Так что я вам помочь не могу. Насчет его тайн и всего такого прочего.

– Что ж. Будем искать в другом месте.

Почему-то он поверил девушке Оле. Да, Александр Серебряков не смешивал работу и удовольствие. И никогда не влюблялся. Значит, причиной его счастливых глаз в день убийства была удача в бизнесе.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, Алексей заглянул в бухгалтерию, к рыженькой Наташе. Но там его ждало разочарование. Рыженькой не было, унылая особа с короткой стрижкой, одетая в безобразную кофту расставляла в шкафу папки с документами.

– А где Наташа?

– В банк уехала.

– Как, и она в банк? А когда вернется?

– Неизвестно.

– Что у вас там, черная дыра? Или Бермудский треугольник? Все уезжают, но никто не возвращается. Сигнал «SOS» оттуда еще не посылали?

У унылой особы в малиновой кофте чувства юмора не было вовсе. Кокетничать она не умела, да и вид ее не располагал к ухаживаниям. Леонидову ничего не оставалось, как вернуться в приемную.

– Ну что, готов мой списочек? – спросил он.

– Да, пожалуйста, – Марина протянула ему отпечатанный на лазерном принтере перечень фамилий уволенных сотрудников и номеров их телефонов.

Пока Леонидов мучительно искал повод продолжить диалог с секретарем коммерческого директора, позвонил телефон. Потом, без паузы, другой. Марина отбивалась от жаждущих встречи с Павлом Петровичем, а сам Павел Петрович словно сквозь землю провалился. Леонидов тяжело вздохнул и пошел к лифту. Честно сказать, на третьем этаже ему понравилось больше, чем на первом. Но справедливости ради надо выслушать и другую сторону.

В торговом зале за время его отсутствия ничего не изменилось. Клиентов по-прежнему не было, товара на полках не прибавилось, нулей на ценниках не уменьшилось. Он по-

дошел к огромной девахе со всклокоченными волосами и на огромной груди прочитал: «Елизавета Пшенкина, менеджер». Его макушка была на уровне глаз великанши, которая, ко всему прочему, ходила по залу в туфлях на высокой платформе.

– Я хотел бы с вами поговорить... – пискнул он в могучую грудь.

Женщины таких габаритов приводили тщедушного Леонидова в трепет. Широкими шагами к ним уже шел управляющий.

– Я бы попросил вас не отрывать сотрудников от работы, – грозно прошипел он.

– А когда?

– В свободное время. Если они захотят с вами разговаривать.

«Куда они денутся», – зло подумал Алексей, выскочив из магазина. Управляющий здорово его разозлил. Явно он что-то скрывает и не хочет, чтобы сотрудники беседовали с работником уголовного розыска. «А что, если сам Иванов и заказал Серебрякова?» – возникла крамольная мысль. Ведь он не справился с обязанностями. Наобещал хозяину с три короба, а не выполнил. Можно обвинять в этом финансовый кризис. Но с другой стороны... Раз ты не видел, куда все идет, значит, ты плохой руководитель! Да, при живом Серебрякове дни Иванова в должности управляющего, а быть может и на фирме, были сочтены. Остается выяснить, как будет

при Ирине Сергеевне, будет ли Иванову прямая выгода от смерти Серебрякова?

...В тот же день на кухне в квартире Завьяловых Лена раскладывала по местам привезенные продукты. Предстояли похороны, а после них, как водится, поминки. Тела обещали выдать завтра, с похоронами затягивать нечего, не зима, чтобы им тут лежать, она уже всех обзвонила и все заказала.

Скоропортящиеся продукты были запиханы в холодильник, морозилка забита мясом, овощи заполнили подоконник и большую картонную коробку. На полу выстроились бутылки растительного масла и стеклянные банки майонеза. Про запас. Лена зашла к соседям и договорилась с ними об аренде холодильников на случай, если своим не обойдется. Разбирая очередную коробку, привезенную мужем сестры Александры, ворчала:

– Вот не повезло, так не повезло! Черт бы побрал эту жизнь, дорого все невероятно! Все как с цепи сорвались, ищут подешевле, а тут необходимость. Ладно... Обойдемся. Твой Вовка сыр порежет потоньше, сыра хватит. И колбасы не буду больше покупать. Пусть на овощное налегают, хорошо что сезон. Баклажанчиков надо еще подкупить и морковки. Солянку на горячее потушу заранее, да и холодец надо поставить вариться. Обещали кур привезти, а места в морозилке нет. И куда девать холодец? Ладно, к Светке отнесу.

Вот кому хорошо: мужик ее содержал, а помер – и хлопот с похоронами никаких. Жена постарается. Не то что нам. Ну ничего, мы ее припащем. Раз ее Серебряков во всем виноват, пусть на нас поработает. Чего ты сидишь, как на именинах? Помоги лучше.

Она попыталась всучить сестре нож. Та в ужасе отстранилась:

– Лена, как ты можешь?! Там мама с папой... В морге... Их же убили, Лена!

– Ну убили. Чего ж теперь, сидеть всем и реветь? Режь давай капусту, время-то идет. А то мы такие чувствительные! Уж такие! Сидим, плачем, а сестра бегаёт целыми днями, высунув язык.

– Я, кажется, с тобой сегодня ездила в магазин, – тихо сказала Александра.

– Да! Ездила! От тебя толку... Ревешь только. Тебя все обсчитывают, а ты, дура, молчишь и на весы не смотришь.

– Лена!

– Что Лена? Между прочим, у меня деньги кончились. В кошельке ноль, на, глянь! Я все выложила, что у родителей скопилось, давай присоединяйся. Вовку пошли, пусть займет у знакомых. Тетке можно позвонить, все-таки родня.

– Неужели у мамы на книжке ничего не было? Они ведь откладывали на похороны. Неудобно как-то у тети просить.

– Неудобно локтем за ухом чесать. К тому же так быстро помирать никто и не собирался. Мне деньги нужны были,

ВОТ МАМА И СНЯЛА С КНИЖКИ.

– Зачем же тебе деньги?

– Зачем, зачем... Дубленку купила!

– Что, тебе ходить не в чем?

– Я девушка, в отличие от тебя, незамужняя, мне одеваться надо, выглядеть, а то замуж никто не возьмет.

– А в новой дубленке тебя сразу расхватили?

– Представь себе!

Саша не стала спорить, хотя знала, что у сестры нет недостатка в дорогой одежде, и тихо спросила:

– А ты не можешь у кого-нибудь занять?

– У кого, родная моя, у кого? Что, у нас богатые знакомые есть?!

Лена помолчала, продолжая работу. Потом обронила:

– Что-то Вовка задерживается. Наверное, водку покупает.

Водка – это главное, что на свадьбах, что на поминках. А чего на поминках-то напиваться? Ладно, когда свадьба, веселье, а если человек умер? Потом еще песни петь начинают, а кончается тем, что никто и не помнит, зачем пришел.

– Ну не все же так, Лена.

– Среди отцовской родни – все, – отрезала сестра. – Интересно, хватит два ящика или нет?

– Не знаю, меня это мало интересует.

– Тебя ничего не интересует, кроме книжек твоих дурацких и твоих дебильных детей! – закричала вдруг сестра. – Только такие дураки, как ты, пашут в школе за гроши и жиз-

нью довольны! Как же! Мы о возвышенном думаем! А если проза жизни, для этого у мамы всегда была Лена...

...Да, для этого у мамы всегда была Лена. Сначала, конечно, на свет родилась старшая, Саша, которая Лену и вырастила. Саша меняла ей подгузники, мазала попку детским кремом и водила на улицу, где во дворе копались в песочнице перепачканные карапузы. Саша учила Леночку первым словам, а потом и первым буквам, проверяла первые заданные уроки и водила за ручку в школу.

– Будь как Саша, – слышала Лена с первых дней своей жизни. Когда и не понимала еще, о чем ей говорят. Но фраза запомнилась. Будь как старшая сестра. Еще бы! Саша прекрасно учится, помогает родителям, не грубит учителям. Ей спокойно доверяют любые деньги, потому что сдачу она возвращает до копеечки. Она староста класса, любимица учителей.

– Какая умная, милая, добрая девочка, – умилялись окружающие, глядя на Сашу.

– А я, а я? – кричала Леночка.

– И ты, конечно, дочка, – говорила мама, утешая капризного ребенка. – Если будешь брать пример со своей сестры.

Но произошло обратное. Лене до смерти не хотелось быть похожей на нее. Что толку? В Сашиной тени ее усилий никто и не заметит! А вот если быть другой... Допустим, полной Сашиной противоположностью. Что тогда? И маленькая Ле-

ночка отчаянно дралась из-за совочка или пластмассового ведерка, дергала за волосы детей, играющих в песочнице, а позже, когда стали посылать в магазин, врала, что потеряла сдачу. Она все делала наоборот. Не так, как говорили. И за спиной старшей сестры показывала ей язык: «Что, съела?»

Когда Лена немного подросла, мама стала чаще просить ее помочь по хозяйству: Саша готовилась в институт.

– Лена, сделай уборку. Лена, выброси мусор из ведра. Помой за собой посуду. Ты уже не маленькая!

– Пусть Сашка моет.

– Саша учится. Ты же знаешь, какой в институт конкурс!

– Я тоже учусь.

Мама только вздыхала, ибо Леночка особым прилежанием не отличалась. Способности у нее были, но и лени хватало.

Саша успевала все: и посуду помыть, и уроки выучить. Она была очень хорошей девочкой, правильной девочкой. Как же Лену это злило! Она терпеть не могла хороших! Таких правильных, как Саша! Но настоящую ненависть к сестре Лена начала испытывать, когда подросла и впервые стала задаваться вопросом, красивая она или нет? Простаивая часами перед зеркалом, Лена приходила в отчаяние. Ну хорошо, можно простить сестре то, что родители любят ее больше. Что учителя от нее в восторге, родственники в умилении. Но как простить Сашке, что та выросла красавицей, а она, Лена, дурнушкой? Как?! Вот это и есть самая большая

на свете несправедливость! Глаза у сестры были большие и синие-синие. А у Лены маленькие и невыразительные. Волосы старшей – светлые и вьющиеся от природы, в то время как у младшей висели сальными прядями. Лена чуть ли не каждый день мыла голову и пыталась делать укладку, Сашке не надо было никаких усилий прилагать! Почему одним все, а другим ничего? И почему она, Лена, должна донашивать за сестрой вещи, которые ей не идут?!

– Я это ни за что не надену! – кричала она, швыряя блузку в лицо сестре.

– Я надевала ее всего два раза, – начинала оправдываться Саша. – И отбеливала, перед тем как выстирать. Это моя лучшая вещь.

– Ну и забирай ее себе! А я не надену!

Лена прекрасно понимала, почему вещи сестры на ней не смотрятся. Саша была выше ростом, стройная, с большой грудью и длинными ногами. И хотя достоинства своей фигуры не подчеркивала, но все и так видели – хороша. А Лена ростом не вышла и была чуть полновата. Учиться она ленилась, а вот спортом занималась активно. Хоть в этом уступать сестру, которая предпочитает все свободное время проводить за книгами. Мышцы крепили, но злость не проходила. Сашка была выше на пол головы, вот в чем беда! С таким ростом хоть в модели иди, а ей, Лене, куда податься?

Саша не хотела быть моделью. Она хотела быть учительницей. «Ну и дура!» – говорила Лена про себя. Сама-то ка-

чала пресс и на диете сидела, но что толку? Сто шестьдесят, и ни сантиметром больше! Эх! К ее бы силе воли да такую внешность! А сестра еще пыталась утешить:

– Знаешь, как плохо быть высокой? Все тебя видят, все на тебя смотрят. На физкультуре стоишь первая, перед тобой только мальчишки. А иногда хочется сделаться маленькой-маленькой, как мышка, и забиться куда-нибудь в норку. И вообще я страшно сутулюсь, потому что раньше меня дразнили «каланчой». И у высоких часто болит позвоночник, нагрузка большая. Между прочим, мужчины говорят, что маленькие женщины универсальны и с ними любой чувствует себя большим и сильным.

– Почему ж тогда в конкурсах красоты участвуют только высокие, а?

– Чтобы их было лучше видно. Да зачем тебе эти конкурсы? Там только с виду все красиво.

– Ну и пусть.

– Маленькой быть куда лучше. Ну хочешь, я скажу, что тебе завидую?

– Зато ты можешь стать фотомodelью, а я нет, – всхлипывала Лена.

– Глупенькая, для этого нужно быть тоненькой-тоненькой и как доска, а у меня, посмотри, какая грудь, ну посмотри!

Тут плач Лены превращался в рев.

– Отстань от меня! Не хочу на тебя смотреть! Иди, читай свои книжки.

Саша никогда не обижалась на сестру. Она была хорошей девочкой. И доброй. Красавицей себя не считала, использовать внешность, чтобы устроить свою жизнь, не хотела. «Размазня», – называла ее Лена. Про себя, а иногда и вслух. Обижаться сестра не умела.

Лена начала исподтишка ей гадить. Голоса у них были похожи, и младшая сестра частенько разговаривала по телефону за старшую, назначая или срывая свидания, и тем самым ставила Сашу в неловкое положение. Но Лене все это казалось мелочами. А насолить хотелось по-крупному.

«Я выйду замуж раньше, – мстительно думала она. – А она так и останется старой девой. Я буду богатой, а она бедной. Богатой?» – Лена начала соображать, что для этого надо сделать. Получить профессию, которой можно хорошо зарабатывать! Пусть Сашка идет в учительницы. Пусть.

После школы, которую Александра Завьялова окончила с золотой медалью, она легко поступила в педагогический институт на филфак. Лена, стоя перед зеркалом, торжественно поклялась, что поступит в институт куда более престижный и после его окончания будет хорошо зарабатывать. Так, чтобы сестре стало завидно.

И она налегла на учебу. Все только диву давались: девочка ленилась, к урокам не готовилась, учителям грубила – вдруг в девятом классе словно проснулась! Такое упорство и сила воли! Способности у Лены были. Во-первых, отличная память. Во-вторых, она легко решала задачи по алгебре,

понимала физику. Медаль она, конечно, не получила, но и троек не хватало. По окончании школы подала документы не куда-нибудь, а в Плехановский! Но силы свои переоценила. Пришлось пропустить год и удовольствоваться МАДИ. Лена утешала себя тем, что это только начало. Будет диплом инженера, а там посмотрим. В воздухе пахнет переменами. Свои деньги она еще заработает!

Но тут Сашка подложила ей новую свинью: она вышла замуж!

Появление Володи в жизни старшей сестры Лена прозевала. Раньше всегда успевала вовремя, задавшись целью сделать из Сашки старую деву. Срывала свидания, наговаривала на тех, кто искал расположения сестры, не гнушалась ничем. Наивная Саша ей верила. Но тут Лена зазевалась. Поступив в институт, уехала на радостях на дачу, а там веселая компания, пикники, походы на пляж. А в качестве подарка – поездка на юг, деньги на которую ссудили обрадованные родители. Младшенькая остепенилась! Когда же к осени Лена вернулась домой, все уже свершилось. Скоропалительный роман привел к тому, что Саша и Володя подали заявление в загс.

– Мы хотели тебе сделать сюрприз, – счастливо улыбнулась Саша. – Ты рада за меня?

Лена заплакала. Наивная Сашка подумала, что от счастья за нее, а Лена ревела от злости. Как же так?!

Обрадованные родители решили разменять двухкомнат-

ную квартиру в центре Москвы на две в новых районах. Итак, у сестры будет любящий муж, отдельная квартира и жизнь, о которой можно только мечтать?

– А как же я? – жалобно спросила Лена. – А мне?

– Вот выйдешь замуж, тогда посмотрим, – сказал отец.

– Да выйду я! Выйду! Но ведь эту квартиру уже ни на что не разменяешь! Почему все ей?! Почему?!

– Ты не рада за сестру! – ужаснулась мать. – Эгоистка!

Лена проглотила слезы и затаила злобу. После свадьбы не прошло и года, как у Сашки родился ребенок. Лене же пришлось по-прежнему жить с родителями, причем на новом месте, в новом районе. Друзья остались далеко, место не нравилось. Из центра – да в эту дыру! И все из-за Сашки! Правильно говорят: дуракам везет. Эта размазня только и умеет, что ныть да быть хорошей. А как дойдет до дела...

... – Как дойдет до дела, ты сразу в кусты! А я стирала, мыла, готовила...

– Но ты же здесь живешь. Я у себя дома делаю то же самое, и у меня семья: муж, ребенок. Плюс работа. Я хожу по магазинам, в выходные дни занимаюсь уборкой, но ты этого не хочешь замечать. Будто я живу на всем готовом. Скажи, Лена, почему тебе всегда кажется, что мне легче живется? У тебя ведь престижная работа, хорошая зарплата, я не могу позволить себе вещей, которые покупаешь ты. Бесишься, что у тебя детей нет, так ты сама их не хочешь. Сколько ты абортвов сделала?

– Не надо только меня учить, будто не знаешь, что я не могу позволить себе родить ребенка! Мне бы квартиру на свадьбу никто не подарил!

– Вот что тебя задело! Квартира, которую мне подарили родители! Ты хочешь сказать, что сейчас, когда осталась одна, родишь ребенка? Да не поверю! Ты к Сережке моему за шесть лет хоть раз подошла? Шоколадку ему купила? Такие люди, как ты, живут только для себя. И я в этом не виновата.

– Только ты и виновата. Строишь из себя святошу, гордость свою показываешь. Да ты завидуешь, что я столько получаю, что трачу все на себя, что у меня на одну косметику уходит столько, сколько ты в месяц получаешь, что я за границу езжу отдыхать! Тебе ведь тоже хочется, ну скажи честно, что хочется?

– Нет, не хочется. Если, как ты, ездить только затем, чтоб все знали, что ты можешь себе позволить отдых в Италии или в Греции, то не хочется. Что ты там видела, кроме магазинов, ресторанов да пляжей? Пиццу ела? Мартини пила? Хоть в один музей ходила?

– Да нужны они мне! Я отдыхать еду, поняла? А не мозги парить. А ты... – Лена захлебнулась обидой. Потом сказала мстительно: – Ну ничего. Я тебе промою глаза, сестричка, только ты не обижайся...

Лена чуть было не выложила свой главный козырь, чтобы доказать окончательную победу над сестрой. Но вовремя удержалась.

– Что ты мне хотела сказать? – спросила Саша.

– Да ничего особенного. Отстань! Вон, Вовка пришел, иди лучше, возьми у него сумки и тащи сюда.

– Я никуда не пойду, пока ты все не выложишь. Мне надоело видеть это выражение на твоём лице. За что ты меня жалеешь?

– Ладно, извини. Родителей убили, так что ж, сегодня мы будем отношения выяснять? Муж тебя зовет, иди.

В прихожей раздавалось звяканье стекла. Муж Александры заглянул в кухню со словами:

– Куда ящики ставить, девки? Уф! Отоварился!

В два часа дня Леонидов добрался наконец до места прохождения службы. Надо оформить все, как положено. Папка с делом почти пустая. Еще в коридоре услышал:

– Леха, тебя начальство обыскалось! Где ходишь?

Он хотел было съязвить, но тут увидел его. Начальство. Майор Матвеев шел по коридору. Лобового столкновения не избежать. Исход поединка известен заранее. Хотел отклониться и сделать нырок в дружественный кабинет, но поздно.

– Леонидов!

– Есть!

– Нет. То есть почему тебя никогда на работе нет?

– Потому что я работаю!

– Разговорчики. Что по делу Серебрякова?

– Только что из офиса. Узнал много интересного.

– Зайдешь ко мне.

– Есть!

Капитан ринулся дальше по коридору. «Зайдешь ко мне...» С чем? Со своими мыслями? Мыслей хватает, всяких и разных, а вот бумаги нет ни одной. Есть чутье, которое подсказывает: никакое это не заказное убийство. Имитация. Без сучка и задоринки, что и настораживает. Кто-то очень хотел, чтобы убийство Серебрякова приняли за заказное. А если свои?

Устроившись за столом, принялся чертить кружочки. В одном написал «Иванов». В другом «Паша». Паша мог «заказать» Серебрякова. И Паша прячется. Так заказное или не заказное? Кто убийца? Наемник или знакомый Серебрякова? Обиженный или тот, кто должен ему деньги...

Размышления прервал телефонный звонок. Голос был женский.

– Мне капитана Леонидова.

– Да, слушаю.

– Я не отрываю вас от важных дел?

– Я слушаю. – Голос грудной, знакомый! – Кто говорит?

– Это Лана.

– Какая Лана? Ах, Лана! Мы так мило беседовали этой ночью. Чего ж вам еще?

– Знаете, Алексей Алексеевич, я вдруг вспомнила. Он же мне звонил в тот день, когда его... Ну там, в лифте.

– Кто звонил?

– Шурик. Серебряков то есть.

– Звонил?! И вы об этом сейчас только вспомнили?!

– А что такого? Подумаешь. У меня память девичья. Если хотите узнать подробности, приходите сейчас ко мне.

– Сейчас? К вам? А по телефону нельзя?

– По телефону не получится.

– Что так?

– Ну вдруг я еще что-нибудь вспомню. Подробности. Может, вы меня на мысль интересную натолкнете. Приезжайте Алексей, приезжайте. Я вас жду. Договорились?

– Мне к начальству на доклад.

– Приезжайте после доклада.

Ее настойчивость удивила. И голос странный. Если бы самооценка Алексея не был так занижена, подумал бы, что девица в него влюбилась. В голосе слышится откровенное кокетство. И тональность... Словом, подходящая. Но кто он такой? Опер. С маленькой зарплатой. Светлана Анатольевна не бьет такую дичь.

– Ну хорошо, – сухо сказал он. – Как только освобожусь, приеду.

«И за каким чертом я ей понадобился? Делать нечего. Ох, ждут меня сегодня поздняя дорога, бубновая дама, крестовые хлопоты и веселый разговор!».

С глубоким вздохом Леонидов поднялся, прихватил то-нюсенькую папку и отправился на доклад к начальству.

Результатами его деятельности начальство осталось довольно. Особенно тем, что потенциальный «глухарь» можно

раскрыть.

– Уверен, нити ведут на фирму Серебрякова, – сказал Леонидов. – Я займусь этим вплотную.

– Действуй.

– Мне только что звонила любовница покойного. Она вспомнила вчерашний разговор по телефону с Серебряковым.

– То есть в день его смерти?

– Так точно! Я сейчас к ней. Тем более тут недалеко. Минут пятнадцать.

Когда Леонидов шел по коридору, его вновь окликнул коллега:

– Леха, где ты ходишь? Тебе звонила какая-то Нора. Всех на уши поставила! Подать ей Леонидова, и точка! Я говорю: у начальства на докладе. А она: «Соедините с начальством!» Ну и голосок у девицы, я тебе доложу! Оставила телефончик и просила срочно перезвонить. Мол, есть информация по делу Серебрякова. Очень важная. Соображаешь?

– Проснулись, спящие красавицы! – хмыкнул Леонидов. – Сначала одна, потом другая. Меня на всех не хватит.

– Я тоже так подумал. Знаешь, я уже предложил свои услуги, но она хочет только тебя, – скромно сказал коллега. – Скажи, чем ты их берешь? Может, у тебя приемчики какие-нибудь особенные? Поделись опытом.

– Иди ты... Бумажку давай с телефоном. Записал, надеюсь?

– Я не такой жадный, как некоторые. На, звони своей красавице!

Алексей сунул бумажку с телефоном в карман, но звонить не стал. Пусть помучается. Надо было отвечать взаимностью, когда добивался.

...Опять накрапывал дождь. Погода в конце лета, что сердце красавицы. Склонна к измене и перемене. Выставила за дверь, а теперь зовет. Соскучилась, значит.

Подходя к подъезду, откуда ночью вынесли три трупа, Леонидов так и не решил, какие планы могут быть у Светланы Анатольевны и почему она настояла на встрече именно здесь, в этом доме.

А планы у брюнетки были захватнические. В то время как Леонидов гадал, что же случилось, она выбирала наряд. Нарядов у Ланы хватало. Но тут – случай особый. Пари. Нора позволила себе намек. Положение Серебрякова на фирме было выше, чем Паши, ее любовника. Следовательно, Лана считала себя более дорогой и красивой женщиной. Проиграть Норе пусть даже пустяковое пари? Ни за что!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.